

A photograph of a man with a beard and long hair, wearing a dark shirt, sitting at a desk and writing in a notebook. He is holding a yellow pen. In front of him is a white mug with a dark design. The background is dark and slightly out of focus, showing a computer monitor and some shelves. The lighting is warm and focused on the man and his work.

Александр Алейник
АБРИС

Издательство «Написано пером»

Александр Алейник

Абрис

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4961314

*Абрис: Сонетный роман/А. Алейник.: Написано пером; С-Петербург; 2012
ISBN 978-5-905636-40-0*

Аннотация

Роман начат 9 апреля 2012 года и закончен сегодня, 5 сентября 2012-го. Удивительно, что так быстро. Я не знаю, чтобы было так. Роман в сонетах и массе других стихотворений, мгновение – и готово.

Сонет – это форма стихотворений, придуманная во Франции в XIV веке. Сонетный роман – у Пушкина. Так же поступил и я. Всё получилось.

Благодарю мою жену Маргариту Никитину за то, что напомнила мне вещи, которые я забыл. Маму мою, Кац Раису Иосифовну, за то, что она рассказала мне, а я поместил в роман. Спасибо Дмитрию Бобышеву, старинному моему другу, за память его. Благодарю друга моего Игоря Чурдалёва. Он помнит то, что я забыл.

Роман основан на моей жизни. Всё правда. Он обращён к будущему. Пусть люди прочитают его – об одном человеке 20-го и 21-го века, о его друзьях и врагах. Одним – слава, другим – позор, *они ископаемые люди*, третьим – моё глубокое уважение, обыкновенным людям.

Время – лучший друг романов. Слава времени никогда не соврёт, всё исправит и поставит во временной ряд.

Содержание

Первая глава	9
1	9
2	10
3	11
4	12
5	13
6	14
7	15
8	16
9	17
10	18
11	19
12	20
13	21
14	22
15	23
16	24
17	25
18	26
19	27
20	28
21	29
22	30
23	31
24	32
25	33
26	34
27	35
28	36
29	37
30	38
31	39
32	40
33	41
34	42
35	43
36	44
37	45
Вторая глава	46
1	46
2	47
3	48
4	49
5	50
6	51
7	52

8	53
9	54
10	55
11	56
12	57
13	58
14	59
15	60
16	61
17	62
18	63
19	64
20	65
21	66
22	67
23	68
24	69
25	70
26	71
27	72
28	73
29	74
30	75
31	76
32	77
33	78
34	79
35	80
36	81
37	82
Третья глава	83
1	83
2	84
3	85
4	86
5	87
6	88
7	89
8	90
9	91
10	92
11	93
12	94
13	95
14	96
15	97
16	98
17	99
18	100

19	101
20	102
21	103
22	104
23	105
24	106
25	107
26	108
27	109
28	110
29	111
30	112
31	113
32	114
33	115
34	116
35	117
36	118
37	119
Четвёртая глава	120
1	120
2	121
3	122
4	123
5	124
6	125
7	126
8	127
9	128
10	129
11	130
12	131
13	132
14	133
15	134
16	135
17	136
18	137
19	138
20	139
21	140
22	141
23	142
24	143
25	144
26	145
27	146
28	147
29	148

30	149
31	150
32	151
33	152
34	153
35	154
36	155
37	156
Пятая глава	157
1	157
2	158
3	159
4	160
5	161
6	162
7	163
8	164
9	165
10	166
11	167
12	168
13	169
14	170
15	171
16	172
17	173
18	174
19	175
20	176
21	177
22	178
23	179
24	180
25	181
26	182
27	183
28	184
29	185
30	186
31	187
32	188
33	189
34	190
35	191
36	192
37	193
Шестая глава	194
1	194
2	195

3	196
4	197
5	198
6	199
7	200
8	201
9	202
10	203
11	204
12	205
13	206
14	207
15	208
16	209
17	210
18	211
19	212
20	213
21	214
22	215
23	216
24	217
25	218
26	219
27	220
28	221
29	222
30	223
31	224
32	225
33	226
34	227
35	228
36	229
37	230
Седьмая глава	231
1	231
2	232
3	233
4	234
5	235
6	236
7	237
8	238
9	239
10	240
11	241
12	242
13	243

14	244
15	245
16	246
17	247
18	248
19	249
20	250
21	251
21	252
23	253
24	254
25	255
26	256
27	257
28	258
29	259
30	260
31	261
32	262
33	263
34	264
35	265
36	266
37	267
Конец ознакомительного фрагмента.	268

Александр Алейник

Абрис: Сонетный роман

Моей жене Маргарите Никитиной

Первая глава

1

День начинался криком «Молоко!» —
По потолку пластались перья света,
К ним отрываться было нелегко,
Он занят сном, гуляет где-то,
А «где-то» было очень далеко,
Но птички шумно вспархивали с веток,
Звонящий день был неостановим,
Он рвался в дом через оконных сеток
Квадратики и был неотразим,
И мальчик вдруг соединился с ним —
Услышал барж утробную беседу, —
А те бухтели языком своим
Над головами рыб в разгаре лета,
Чей ход в воде немой неуследим.

2

День? Третье сентября, а год не помню,
Нет, погодите: кончилась война,
Горьковский царь (*о, господи!*) не помер,
А в Горьком солнце жгло окна
Убранство, листики, и поверх
Желтела госпитальная стена.
Лежала мама, я лежал,
Свет солнца золотого освещал
Весь мир; меня учили и сразу
Приставили с рожденья фразу:
«Еврей», и надо мной возшла
Звезда еврейская в упрёке,
Что было худшее из всех начал:
Но год прошёл, пошли по свету сроки.

3

Река Ока была недалеко
От нашего семейного жилища —
Квартал один с домишками, легко
Пройти и встретить бережища —
Не берега, а даль реки
С её высокими холмами, —
Церковки мелкие с буграми
Рощ и дорог, что вопреки
Веленью дали вились к небу,
Дробились мелко в небесах,
Не ведая, что значит страх
Свалиться в воду на потребу
Рыбёшкам, ракам вроде хлеба
И обрести покой в веках.

4

Родители мои и бабка с дедом,
Брат старше на пять лет меня,
На улице, где дом стоял победно —
О, господи, ведь вам неведом
Тот угол, где вершилась жизнь моя.
Я, грань оттуда отсоя,
Представлю вам роман. Однажды
Явился мне он без прикрас,
Я вспомнил детство, юность; жажды
Бразды я чувствую сейчас.
Томленья горькое веленье
Подвигло на полночный труд
Представить вам в одно мгновенье
Всю жизнь, рассказанную тут.

5

Начнём же с деда: мой лучший дед,
Был праведным еврейским человеком.
Рождён в Одессе. Был как Ганимед
Прекрасен, юн и сбит абреком
На улице. Что за напасть?
А свадьба на носу. Упасть
Под лошадь, *урод* правил,
Пришёл домой, к лицу кусочки льда.
Печально это, дамы, господа,
Нехорошо и против правил.
Женились. Девять месяцев прошло.
Младенец. Напился подчистую.
Я, впрочем, вовсе не рискую
Вменять в вину. А время шло.

6

Мой дед был коллекционер
Брегетов на цепочке и колечек
Из золота. Я, пионер,
Увидел вечером меж свечек
Его в субботу. Он сидел,
Пред ним часы различных марок.
Он весь лицом порозовел,
Роскошный получив подарок.
Я подошёл. Он посмотрел
В мои глаза, вздохнул и тихо:
– Что, Саша, нравится? – Я сел:
– Ага, – сказал. Глядел, как лихо
Вращается секундомер,
Не зная времени химер.

7

Часы я эти увидал
У дорогого братца позже.
А братец крупно досаждал
Всё детство. Помоги мне, Боже,
Не впасть по горло в эту грязь,
В воспоминания о брате —
Горчайшая на свете связь,
Как голос с бляньем в сонате.
Всему свой час, всему свой срок,
Не будем дальше предаваться
Ему, скорей, скорей, дружок,
Не стоит вспоминать о братце.
Ну, бог с ним. Хватит. Ты один
Свой друг, и царь, и господин.

8

Вернёмся к деду. Он был в ссылке
В тридцать восьмом. На полтора
Недолгих года. В пересылке
Стриг волосы. Приехал, и гора
Работы навалилась – на трамвае
(В войну не взяли на войну);
Он был раввином, ходатаем
За всех, кто чувствовал вину.
Суббота. Свечи. Дед в молениях.
Я рядом. Бабушка сидит.
Я близко, обок, на коленях
У бабушки. Она глядит
В святую голубую книгу,
В которой вечность ровня мигу.

9

Трамвай. Что ближе, чем трамвай?
Садись – и большая ручка.
Ты видишь скромный каравай
Домов, ты в небе видишь тучку.
Вот объявляют. Ты стоишь.
Ты слышишь: «Двери закрываются».
Мост и река, а ты искришь,
На повороте улицы срываются.
Вода-вода, мост впереди.
Лишь небосклон туманный над тобою.
Вперёд гляди – ты посреди,
А с улицы шумящею толпою
В трамвай *залазит* публика: народ.
Поехали! Резвее ход.

10

Дед с бабушкой переселились в Горький.
Давно. История сама
Покажется кому-то горькой.
Не мне. Тут надо бы ума,
Воображения прибавить.
Я в этом не большой мастак.
Ума довольно, надо сбавить.
Воображенья? Будет так,
Как захочу в моём романе.
Довольно мне искать щедрот
От случая, в моём *чулане*
Довольно маленьких хлопот.
Роман безадресно стрекочет,
Воркует, дыбится, лопочет.

11

Вернёмся к бабушке от деда.
Тульчин. Одесса, а потом —
Любовь, и помнит Андромеда,
Что послужило ей плотом.
Ему в огромном океане
Чтоб её только увидеть.
Увиделись: там всё в тумане,
Но это в прошлое езда.
Она была умна, красива.
Он был собою так хорош,
Что ей понравился, смешливой.
Не наше дело. Всех святош
Не утолишь. Любовь до гроба
Несла, монаршая особа.

12

Куда несла? Кто ведает об этом?
Жизнь продолжалась. В первую весну,
Когда неясным силуэтом
Предстало будущее. Сну
Немое очертание прилично.
Неясно только, как брести
По жизни. Выглядеть публично.
Любовь по сердцу пронести,
Не расплескав её вслепую...
Да что я это говорю?
Забудем. Я сейчас гриппую,
Болтаю, *кхе-кхе-кхе*, мирю
Соображенья наудачу,
О прошлом с будущим судачу.

13

Тринадцать – лучшее число.
Давно заметил его пользу:
Оно в меня уже вросло,
И принимать не нужно позу,
Мне страшно.
Что, если со мной
Беда какая приключится?
А это я тому виной.
Тринадцать – чёрная земля
Не хуже, чем другой земли
Благословенье. Всё от Бога.
Пока в неё не замели,
Пока не чувствуешь ожога
От шага – знает синагога.
Живи и свет её внемли.

14

Роман, куда ты! Эй! Ау!
Услышал. Здесь он. По порядку
Пойдём за ним. Зову, зову.
Нечёсанный. Поправлю прядку.
Ночь. За окном метель.
Разглядываю потолок: ужасный.
Я встал! А подо мной постель.
Часы стучат. Мой дом безгласный.
Ковёр. Старушка на стене
С корзинкой, а вокруг дерева.
Идёт куда-то. Так бы мне.
Не получается. О, древний
Метели гогот за окном
Переполняет спящий дом.

15

Я вижу лампочку. Я вижу
Лицо отца передо мной
И маму, и немного ближе —
Простынка вздыбилась волной.
Под ней рука отцова лезет
Ко мне... Смеюсь, и папа ржёт.
Ещё разочек. Мне прелестно.
Он снова через миг начнёт.
Я в ожидании счастливым.
Я жду. Он медлит. А судьба
Всё также медленным приливом,
Как каждодневная пальба,
Грохочет скучно, суетливо.
Стук сердца. Рвётся колотьба.

16

Огонь. Прекрасное убранство.
Он разгорается в печи
Без правильного постоянства.
Пылает. Лучше помолчи,
Гляди в него и грейся, думай
О жизни. Видно далеко
От вечера в тоске угрюмой
До мига, где тебе легко.
Дрова в печи – твоя основа.
Жить и на Божий мир смотреть,
И подниматься выше снова,
Когда захочется сгореть.
Уйти из мира, стать щепоткой,
Уж лучше *жить*, чем *быть* щекоткой.

17

На улице жара. Мне три.
На велике по тротуару
Катаюсь... Лучше отопри,
О, память, дверь скорей *корсару*,
Чтоб слямзился он прямо вниз
От *дорогого братца* Лёвы.
Лежу в земле и слышу визг.
Девчонки надо мной. Как клёво.
Наверно, думал *братец*, он
Ма-лю-тка – *восемь лет*, напомним.
Он очень шустр, востёр, умён.
Денёк отличный. Я наполню
В стакан прозрачной ключевой воды,
Есть смысл у всякой ерунды.

18

Я плакал: дед услышал плач,
Схватил меня, домой, на ложе.
Йод, бинт, укрыли: – Присобачь. —
Зелёнки? – Нет. Гляди, на коже
Разрыв. *Ох, Лёва!* С-сукин сын.
Сказал ему: – Гляди за братом.
А он? Умишка на алтын.
О, горе. Мальчик психопатом,
Калекой... Ох, азохен вей. —
Забылось. Время шло, спешило.
Я спал, и пара голубей
Окошко наше тормошило.
О, детства светлая печаль.
Хотел бы в детство? Нет? А жаль.

19

Пошли страдания мои,
Нос понемногу искривился,
К чему приводят все бои,
Я нынче насморком давился
От сопель. *Мамочка* моя
(О, Господи, ты не судья) —
Врач, *спец* по ухо-горло-носу.
Отец – хирург, чья папироса
Как пароходная труба,
Как дым из божьего кадила
С утра до вечера дымила.
Я видел только абрис лба
Отцовского, горчайший дым,
В котором папа представим.

20

Луна светилась мне в окошко
Фонариком в руке ночной,
У ног моих свернулась кошка,
Спала так сладко, ей самой
Приснилась ночь, средь камышей
С котом охота на мышей.
Ночь, фонарей огни, не спится,
В глаза направленная спица,
Звезда и тонкий луч её
Волнует мальчика. Что дальше?
Летишь по небу в пустоту
И чувствуешь всю остроту
Полёта в космос. О, сигнальщик,
Я здесь! Откликнись мне. Звезду
В протянутой руке я жду.

21

Так чувствовал в ночной темнице
Себя. Всё спало. Ночь текла.
Когда крутились в колеснице
земной колёса, удила
Сжимало время торопливо,
Шагало быстро, суетливо:
За летом долгая зима,
Весна, и снова кутерьма,
И снова праздник, догонялки,
И крики, шум, и снова гвалт,
И снова к прошлому возврат —
Виват игре! Пятнашки, салки;
Пока домой не позовут,
Я время провожу вот тут.

22

Мне три. Трава высокая, по пояс.
Шагаю по траве в барак,
Где девочки живут. Я стоя
Оглядываюсь, здесь чужак,
Но – наплевать – шагаю к ложу.
Девчонки спят, а я тревожу
Царевну Лену, так зову
Её одну. Я ей живу.
Она проснулась. Я в постель.
И обнимаю. Как тревожно.
Целую в губы, о, как сложно
Вдвоём лежать вот так; свирель
Волнует дня прикосновение,
И с потолка над нами пенье.

23

Смешно? Не правда ли, мой друг.
Ну что ж, посмейся над малюткой.
Я клялся ей в любви – подруг,
Наверно, умиляло. Жутко
Представить мне весёлый смех,
Когда был я смешнее всех.
Любовь тогда явилась мне,
Когда я был на волокне
Своих фантазий, представлений
О ней, *прекраснейшей* из них,
И называли так: жених,
Без всяческих удешевлений.
Посмейтесь надо мной, друзья,
Смеяться краше меж бытья.

24

Что краше всех, всего на свете?
Любовь волнует нас всегда,
При коликах иль диабете,
Всё остальное ерунда,
Слов и поступков мешанина,
Любовных писем писанина,
Пошлейших сцен романый бред...
А, впрочем, я не правовед,
Чтоб толковать о том позоре,
Который нас отяготит,
Неважно, рак, холецистит...
Любовь, ты при любом мажоре
Горишь и поднимаешь взор.
Смотри, небесная, в упор.

25

Но – шутки в сторону. Я рос
Среди земли, воды и неба,
Неподражаемых берёз,
Бросавших вызов ширпотребу.
Катились дни, как ком с горы,
На головы всей детворы,
Гонявшей в беготню и прятки,
Как малые щенки, щенятки.
А вечерами слушал сказки
От деда, бабушка с чайком
Читала, плакала тайком.
Катюши Масловой, бедняжки.
Лев Николаевич Толстой,
Он сложный, глыба, но простой.

26

Мне пять. Я с мамой в зале.
Ведущий травит анекдот.
Отговорил, молчок в финале.
Я хохочу. Вот оборот!
Тишь, а потом загоготали.
Сосед, майор, заговорил.
Сказал, что *очень подковали*
Мальца, смеётся, как *тротил*.
Мне это мама рассказала
Под вечер. Лет и зим прошло...
Рисуй же прошлое, стило,
Чтоб не случилось бы обвала
На то, что я проговорю,
Я помню жизнь, смотрю, курю.

27

Вся эта городская жизнь,
Дома, машины, толпы граждан,
Звонки трамваев, всё из лжи,
Сплошной муры, и лишь оправдан
Восход светила над землёй,
Бой с ночью, сыгранный Ильёй.
Скорей в деревню на простор,
Манаткам объявляем сбор:
Все майки с прочими носками
Сюда, поближе, в чемодан.
Приказ от папы, балаган,
Всё сыпется не по программе.
Ты в даль туманную впорхни,
Щелчок от брата – от свиньи.

28

Природа, воля и деревня
Меня сюда и привлекли,
Божественное сотворенье
Из спеси городской, вдали
Большого неба надо мною,
Под атмосферой голубою,
Где видно избы и поля,
Далёкая летит Земля.
Она плывёт в сплошном тумане
Небесным телом в вышине.
А Космос – ты приснился мне,
Чтоб, округлившись в Зурбанане,
Проплыть Землём. Эй, как живёшь?
Молчишь. Ты так на Господа похож.

29

Приехали на *перевоз*.
Село большое. Речка Пьяна
Плескалась близко, не всерьёз.
Текла тихонько, без обмана.
Хозяева кормили нас.
Иконы в комнате и квас.
Часы прокуковали время
Для сна, зевок, и в темя.
Секунды в ряд, одна другую,
Не торопя, не тормоша,
Мгновения прошли, спеша.
Вязь между ними, связь тугую
Вязала роковая нить.
Спи! Время нам не изменить.

30

С утра подъём. Хирург, отец,
Пошёл работать. Он в больнице
Здоровья преданный истец,
Что не пропустит и крупницы
Из дела *роковой* судьбы,
Не сдастся просто, без борьбы,
Пока хоть малая надежда
В Него... В разомкнутые вежды.
Больница, где хирурга ждали,
Стояла на крутом холме.
Три этажа. Ни бе ни ме
Не скажешь. Мы, *пардон*, привстали,
Чтоб только внутрь её войти.
– Входите, дверь не *взаперти*.

31

Больница бесконечно рада:
Хирурга ждали там давно.
Пойдёт в деревне той бравада,
А папе явно всё равно,
Где делать, что ему привычно.
Ну, резать – а ему обычно,
Как резал он из года в год,
Зажим и скальпель, в рану ввод.
Больница удивлялась папе,
Он, видно, сразу же мастак,
А резать *так* он не дурак.
Он капитан. Стоит на трапе,
Он смотрит прямо в темноту,
И скальпель в руки. Я учту.

32

А *братик* Лёва промышлял
На речке Пяне глупой рыбкой.
Он с бережка уду кидал,
Встречал улов без перегиба.
А рыбка плюхалась в ведро
И там кружило болеро,
В избе прилежно вылезала
На сковородку – вроде бала.
Была игра в один конец,
Она ржавела постоянно
До вилки, а потом, туманно,
В кишки, кто скушал – молодец.
Ах, рыбка, жаль тебя, голубу,
А, впрочем, нет. Хрустишь. Как любо.

33

Я тоже, как отец и мать,
Хотел врачом. Мы утром встали.
Отец садится похлебать
Щи. – Ну, пойдём? – Мы зашагали.
Больница. *Правую* – не спутать – ногу.
Вошли. Его как полубога
Приветствует медперсонал.
В халат меня, иду, финал.
Стою пред белою простынкой
На толстом бабьем животе.
Отец – художник: на холсте
Он скальпелем ведёт по рынку
Её тугого живота,
А надо мною тьмы плита.

34

Мой аппарат воспоминаний,
Мозг, он работает пока.
Я жив, и начинаний
Не больше чем у чудака.
Врач – это крест, пиши пропало,
Кем буду я, бог весть, сначала
Ошибка, всё пошло не так,
Ну промах, ну ты влип, простак.
Подумай, что ты будешь делать!
Куда идти, не знаю сам.
Понятно, что не по зубам.
Головушка моя болела
От этих странных новых мук,
Я взял стрелу и вставил в лук.

35

Свобода стала наказаньем,
По крайней мере, для меня.
Все наши страхи и желанья,
По совести, галиматъя
Для наших истинных стремлений.
Быть может, в нас сидит наш гений
И ждёт таинственный зарок,
Как мать нащупала зубок
И понимает, что для крика
Хороший повод Богом дан,
Поплачь же, мальчик, и орган
Вдруг твоего коснётся лика,
Немножко что-то поболит,
И нету: боль ушла, гамбит.

36

Лечу под облаками с папой,
Внизу деревни и леса.
Вдруг солнце вкралось тихой сапой
И жалит точно как оса.
Мне далеко отсюда видно,
Я вижу дом, и мне обидно
Что не узнаю я о том,
Кто населяет этот дом,
Зачем на крошечном заборе
В далёкой этой стороне
Никто не радуется мне.
Неправильно. В таком отборе
Я не живу, но как же мне
Лететь в воздушном волокне.

37

Мы опустились с небосклона
На поле. Видим: нас тут ждут
Монахи в рясах. Лаокоона,
Мне жаль, не наблюдалось тут.
Пошли мы в церковь. Входим в двери.
Отец духовный. Что неверью
Здесь делать средь мужчин в крестах?
Отец скрывается в местах,
Где батюшка вторым проходит.
Их нет минут пятнадцать. Вот
Выходит батюшка. Живот
С отцом моим облагородив,
Отец духовный на отца
Смотрел с любовью мудреца.

Вторая глава

1

Обед был *важным*. Я сидел,
Как сын обедавших монахов,
Вкушая пищу от плевел,
Благословлявшую феллахов.
Окрошка, зелень, мёд целебный,
Вино церковное, хвалебный
Мне подавался хлебный квас —
Чудесный, уверяю вас.
Я слушал старших разговор,
Глядел в окно, где солнце било
В глаза мне красным, заходило
За церковь и церковный двор.
Мы сели вновь на самолёт.
Пробежка по полю – и взлёт.

2

Да, я совсем и позабыл
О фотографиях из детства,
Что отражают детский пыл,
Моё сугубое наследство.
На первой изображено:
Я и *братан*. Обагрено
Изображенье. Я и палка
В руке моей, а дальше жалко
Мне братика. Я на второй
Иду без палки. Я герой,
Поскольку братец поугрюмел,
Большая шишка у него.
Я весел, горд, и оттого
Мой братец явно обезумел.
Вот так. Что скажете, друзья?
В лоб братцу. Ну хорош же я.

3

Сижу в панамке. Года два.
Вот Стригино, где я с братаном
Жил летом, и меня куда
Тянуло будто бы арканом.
На фотографии втроём
Братан, и я, и слева Мишка,
Мой незамеченный братишка,
Мы в небе ярко-голубом.
Смотрю вперёд, но взгляд испуган.
Я жду мгновение: сейчас,
Наверное, на всех на нас
Вот в этом воздухе упругом
Защитой нашей броневой —
Дорожка в небо с синевой.

4

На фотографии в лесу
Меж елей я держу грибочек.
Я с девочкой его несу.
Чистяк, без глупых заморочек.
Ещё вот снимок: я и брат.
Он улыбается. Плакат.
Колючую имею муку.
Но, боже мой, какая скука
Пред ёлками стоять лицом
И ждать щелчка, чтоб вышло фото.
Какая грубая работа —
Прочувствовать себя гербом.
Вот, он прекрасный, грустный мальчик,
О будущем прямой сигнальщик.

5

На снимке я в костюме зайца.
А сзади ёлочка горит.
Я смахиваю на паяца.
Я непонятный индивид.
На ёлочке висят игрушки,
Шары да прочие хлопушки,
Что ждут свидетелей живых.
Кот бросит взгляд в собрание их.
Над ёлочкой звезда сияет,
Пятиконечная звезда,
Она над нами *завсегда*,
Как признак счастья, символ рая,
Куда стремится все должны,
Пока возможности даны.

6

Велосипед – такая *штука*,
В чём убедился мой отец.
Стою и вижу, в папе мука,
Вокруг медсёстры, и конец
Его несправедным мученьям,
Он слева, прямо на колене,
Запрыгивая, разорвал
Брючину. Смех, каюк, провал.
Отец, придя домой, был мрачен:
– Да как же это так. – Вопрос
Густою волоснёй зарос.
Да стоит ли о том судачить.
Уж лучше чаю заварить,
Смотреть в ночные фонари.

7

Вернулись мы домой, и сразу
Приехал к нам грузовичок
С жратвой, с питьём. Он по приказу
Затормозил, как жеребок
Пред нашим домом. Въехал в двор.
– Хозяйка! Эй! Тебе набор, —
И мама вышла вместе с дедом.
Всё выгрузили. Мы с обедом
Довольно запоздали. Что ж,
Сидели вместе с тем шофёром
И слушали те байки. Скоро
Конец обеду. Гром и дождь
Ударили из неба сразу.
Шофёр исчез: стартёр, и газу.

8

Сарай стоял напротив дома,
И дед в сарае колдовал.
Жратва, как цель для астронома,
Обыденнейший ритуал.
Солёности, капуста в бочке,
Томаты в банках и грибочки,
Икра и вобла – всё гуртом
Вносилось в наш старинный дом.
Я часто залезал туда,
Сидел на угле пред глубокой
Дырой в полу, и лежебокой
Я не был. Я глядел, балда,
На эту бездну темноты
И думал: я умру и ты.

9

Ходил я в детский садик: утром
Вставал и шлёпал до него.
Какая б ни была побудка,
Не троньте деда моего.
Он шёл, тащил меня за ручку,
А я сосал свою тянучку,
Он лужи обходил со мной,
Я был ребёнок баловной.
Мы шли на встречу с детским садом
По Совнаркомовской, во двор,
Входили, дальше за забор,
Толкали дверь, сидели рядом.
Дед раздевал меня: – Иди.
Не видишь? Под ноги гляди.

10

Наш детский садик находился
За сотню метров от реки
В районе ярмарки унылой.
Домишки, точно старики,
Стояли низко слева, справа,
Лишь *Дом Торговли*, словно пава,
Парил над ними и сиял,
Как небом брошенный кристалл.
Я там прижился меж детишек,
Когда бы не одна деталь:
Галя Царапка. Было жаль
Всех зацарапанных мальчишек.
Меня не трогал их удел,
А Галька – блажь, довольно дел.

11

Закрылся садик. Всё ломали.
Район пошёл под полный снос.
Я с мамой еду. Вам едва ли
Менять когда то привелось
Ваш *садик* на какой-то новый.
Ну что ж, попробовать готовы,
Быть может, лучше будет там.
Трамвай. Окно. В трамвае гам.
Мы с мамой сходим в новом мире,
Идём по улице чужой,
Приходим. Воспитатель злой.
Я остаюсь, и сразу гиря
Придавливает всё во мне
И жмёт отчаянье извне.

12

Я выбежал назло ветрам.
Куда идти – не представляю.
Стояло лето. Конечно, хам,
По улице я прошагаю.
Вдруг вижу, далеко трамвай.
Вхожу, сажусь. Ну, погоняй.
Трамвай поехал за квартал
В ту сторону, что я желал.
Я на конечной остановке
Пошёл по улице пустой,
Меня доставила домой.
Вот дверь. – Ах, Саша? – перековки
Не требовалось. Вернулся в дом,
С которым я давно знаком.

13

Я помню первое волнение
От девочки, моей сестры
Двоюродной. Мы на мгновение
Обнялись, после всей игры
Лежали на диване тихо,
Шумели гости (праздник), лихо
Кричали в комнате: – Зажгись! —
А мы тихонько обнялись.
Заснули и блаженно спали
Всю ночь. Видения мои
Шли слой за слоем, и слои
В моём мучении пластались,
Чтоб из меня потом восстать,
Чтоб мог влюбляться и желать.

14

Я еду на салазках с мамой
По нашей улице домой.
Метель метёт, и снег упрямо
Всё вертится передо мной.
Ветрище дует не на шутку.
То замирает на минутку,
То снова начинает дуть,
То корчит рожи: здесь шагнуть,
Наверное, мечта, морока.
Как мама борется, идёт,
Когда метель в глаза метёт.
Вот дом, добрались до порога.
А дома ждёт горячий чай.
Чаёк волшебный, выручай.

15

Занятье музыкой со мной
Явилось бесполезным делом,
Хоть слух имелся пребольшой.
Что слух, когда внутри свербело,
Что ремесло не про меня,
Что, публику ко мне маня,
Греховных побуждений мука
Зачтётся тем, чьё правильное ухо
Преклонит на старания мои,
Когда я не готов к мученьям,
И к *чёрту* все нравоученья,
Когда я создан для... Бои
Велись со мною дома, с мамой,
Но бесполезно: рос упрямым

16

Я мальчиком. Но всё зазря.
Она взяла меня с собою,
Сама от радости горя,
Что предстоит бой с судьбою
За сына. – Пусть споёт. – Я спел
О Чёрном море. Я замлел,
Когда все люди на меня
Уставились. При свете дня
Такое говорили мне
И маме, что учиться надо,
Что мальчик – радость
Доставил нам. Я шёл. Конец
Моей свободе. Мама шла
Домой, схватила удила

17

Мужчины с женщинами. Что ж,
Пойду на первую проверку
Их выводов. Уважь – умножь
Несчастье мальчика, коверкай,
Коль хочется сей бодрый слог,
Насмарку выброси итог,
Который сразу ясен,
Коварен и опасен.
Я спел неплохо, восхищенье,
И в среду сразу на урок.
Я час промучился. Итог:
Домой, и в пятницу мученье
Назначено мне продлевать.
Я дома стал протестовать.

18

Протест закончился победой,
Я заболел. А грипп в тот раз
Мне пособил. Я за обедом
Отверг родительский наказ.
Я снова гнал свои права.
Кружилась долго голова
От этой нечисти гриппозной
В температуре монструозной.
Сказал, что я не буду тренькать
На инструменте колдовском.
Пришёл покой в протестный дом.
Тихохонько и помаленьку
Совсем отстали от меня,
А мне милей и *всё* фигня.

19

Неправильно я это говорил,
Пришла ко мне сегодня утром
Моя родительница. Был
Неинтересен смысл кому-то.
Не мне. Я расспросил её
Про прошлое житьё-бытьё,
И мама всё и уточнила:
Мой дед, попавший под горнило,
Сидел три года. Красноярск
Был точкой, где сидел наш ссыльный,
В стране *позорной и дебильной*.
Вернулся в Горький. Было так,
Как моя мама уточнила,
Пойдём за нею, дело было

20

Всё в бабушке. Пойдём за нею
В давно протекшие года,
Когда войска чрез Пиренеи
Войной ударили сюда.
Она в Америку хотела.
Война велась за переделы
Всей *карты мира*. Был билет.
И пару захватив штиблет,
Её поклонник, брат далёкий,
Садится на корабль её
И отплывает. Вот житьё,
В котором смысл зарыт глубокий:
Как проживёшь, когда побег
Важней, чем хочет человек.

21

Они писали письма вплоть
До времени, когда проруха
Ударила в тугую плоть
Времён, а дальше было глухо
Кругом, и стала тишина
Наследницей двойного сна.
Они друг друга потеряли.
Жизнь коротка. Кто спорит. Я ли
Не знаю это. Весь мой сказ
О времени и разных людях,
Которые на терпком блюде
Поставлены на стол для вас.
Глядите же не отрываясь:
Шевелятся, живут, плутают.

22

На фотографии – жена
Дебелая, чужая тётка.
Муж, дети, дикая страна,
В которой самый воздух соткан
Из расставаний и щедрот
(Откройте шире жадный рот,
И всё достанется). Он только
Писал послания на Волгу.
Сам жил прекрасно. Всё, молчок.
Вступило *новенькое* время
Разрывов связей с той и с теми,
Кто пулю получил в висок.
Молчание, ты тяжкий груз
Для тех, кто целит в темя уз.

23

Идёт большая заваруха.
Идёт гражданская война.
Ночь. Погреб. Бухает так глухо,
Как будто в людях есть вина.
Ночь. Плач ребёнка. Бровка
Приподнята. – Стой! Ты жиловка? —
Ответила ему: – Еврейка. —
– Правдивая – он поскакал. Варенье
Подкладывала мне на блюде.
Я слушал, мальчик удивлённый,
Настолько в бабушку влюблённый,
Что все проклятые сопьются,
Пока мы с бабушкой сидим.
Друг в друга мы глядим, глядим.

24

У бабушки моей ребята
Пошли как на дрожжах пирог.
Сначала мальчик. Боже, ратуй.
Ан, нет. Он умер. Вот итог.
Потом девчонка, Эстер, чудо.
Ох, заводная, я не буду
Всё пересказывать сейчас.
В пять лет сей ангелок погас.
Пришли профессора, мужчины,
Смотрели, щупали её,
Посоветались – ох, житьё, —
Потом сказали: скарлатина.
Но бабка Мирьям тут как раз:
Не дам малюточку! Приказ

25

Был выполнен. Девчонки нет в помине.
А бабушке на сердце тяжело.
Один рывок. Ой, Готыню. Богине!
Что говорить, давно прошло.
Погоревали с дедушкой над дочкой.
Жизнь тяжкая как гиря, и короче,
Чем нам хотелось бы её иметь,
Чтоб нам достойно умереть.
Ребёнок третий – наша мама.
Брак. Врач. Дети хоть куда.
Довольно о печалях, господа.
Пора в блаженство, и печаль не дама,
Чтоб перед ней нам делать антраша,
Мы пишем *жизнь* – ты, право, хороша.

26

Четвёртый – дорогой мой дядя.
Родился года через два,
В двадцать шестом, я видел на параде
Его в семидесятые. Едва
Могли б его представить: стать мужчиной.
Он в кителе морском, красавец, чинно
Стоит, и сразу видно: *кавторанг*.
Подлодник, к чёрту ранг.
Его давно уж нет на свете,
Жены и сына тоже нет.
Он горький получил *билет*
В Ракушке под Владивостоком. Эти
Сыны явились умирать
От радиации, пахать,

27

Служить *родной стране героически*
Готовы сразу и всегда.
Смерть обращается по-свойски:
– Давай, братан, иди сюда.
Мне мама рассказала байку
Про дядю Зелика. Он *банку*
После похода вглубь, в моря,
Принял на грудь и выпил зря,
Поскольку вечером *абзац*:
Приехал Кац (*он композитор*),
А Зелик в зале. Он *пюпитр* —
На фортепьяно. Объявляют: – Кац! —
И Зелик поднимается на сцену:
Фамилия! Порадуй Мельпомену.

28

Он спел. Схватил аплодисмент.
Раскланялся и удалился.
Кац с Кацем, пережив момент,
Сдружились. Зелик всё хвалился
В столицу, собираясь в путь,
Он брал для друга что-нибудь.
В Москве они вдвоём ходили,
Что было правильно, дружили.
Ах, Зелик, скромная душа,
«Куда, куда ты удалился»,
Я сам с тобою подружился,
Ан, нет тебя. Нехороша
Традиция поцеловать,
Потом в могилу провожать.

29

Весь зал давно уже в могиле,
И на тебе, вот поворот,
В моря ходили, дружно жили,
Когда б не этот мерзкий род
Событий жизни беспредельной,
От вахты в море корабельной
Гуртом переходить в тот мир,
Где глохнет всяческий эфир,
Где нет надежды, где судьбина
Готовит вам на всех беду:
– Голубчики, вы все в аду.
Довольно жить, довольно сплина.
– Эй, мичман. Помнишь свой зарок?
О, горький, океанский рок.

30

Жена покойная была
Добрейшей *тётей*. Я, ребёнком,
Доныне помню, как дала
Большую грудь, и я, мальчонка,
Припал к стакану молока.
Пронзило вкусом. Жаль, курка
Не подвернулось. Пил... другое...
Я кончил бы тогда с собою,
Но всё прошло. Подташнивало. Вкус
Был странен, нов, необычайно жирен,
Настолько был горяч, эфирен,
Что мне напоминал, по правде, дуст.
Давным-давно прошедшие дела.
Пойдём же дальше. Крепче удила.

31

Сын пары стал молочным братом
Моим, помладше, чем был я,
Красивым, умным, неженатым.
Был парень-гвоздь. Погиб. Семья
Так сгинула. Из дней ушедших,
Неправильных, быть может, грешных,
Ушла в далёкие края.
Волнует сердце. Буду я
Всё вспоминать её и Женьку,
Погибшего из-за того,
Что обув в городе его
Сулила и тащила деньги
Для тех, кто правит всем подряд, —
Стрельнул разок, и не скулят.

32

У бабушки коса до пола.
Такая длинная коса,
Что бабушка могла бы долго
Носить святыне образа.
Но если б бабушка хотела.
Не хочет. А наверно, дело
Не в том, что хочет или нет,
А в том, что Бог, семья, обет.
Всё против, что коса большая,
Особенная у неё.
Нашли бы лучшее житьё,
Те образа, прообраз рая,
Пусть радуют святых людей.
Что значит слово: перст? Елей?

33

Пожарником иль водолазом?
Я задавал вопрос себе
Насущный. Если в воду сразу,
Проплыть по этой глубине,
Как в воздухе, и строго прямо.
А может, лётчиком? Упрямо
Идти по курсу, чуткий руль
Вращать, чтобы избегнуть пуль.
Пожарником – другое дело:
Звонок, тревога, рёв, огонь.
Ты тушишь пламя, и разгон.
Ты девочку спасёшь, смелый...
Какой из этого сюрприз?
Медаль на грудь, цветы и приз.

34

А если девочка влюбилась
В тебя? Возникнул перескок
С вопроса на вопрос; стремилась
К тебе, любимому; итог —
Любовь великая до гроба,
Влюбились, полагаем, оба,
И, завершив свой скромный путь,
В могилу ляжем. Как-нибудь
Нас отпоят, потом поплачут,
И скажут: мы любили вас.
Зароют в землю, и про нас
Другим каким-нибудь расскажут,
Что мы стремились с детских лет...
— Эй! Саша! Живо на обед!

35

Я горько плакал у окошка.
Пришла беда в наш тихий дом.
Ах, дядя Шура. Бог поможет
Вернуть тебя и мать с отцом.
Они уехали. Машина
Их увезла, а я, мужчина,
Стою, и слёзы потекут,
Когда в машину не берут.
Ах, горькая моя судьбина,
Стою, а слёзы кап-кап-кап,
Нет. Прекратились. Эскулап
Сказал бы: – Господи, причина
Реветь белугой, ай-яй-яй. —
Не плачу. – Дед, в футбол, давай?

36

Катались с папой по реке,
Замёрзло всё и мы на лыжах,
И *братик* с нами шёл; в виске,
В ушах свистело, шли поближе
Мы к центру речки. Ветер жёг,
Я отставал, так, на чуток,
А варежки наш бег спасали.
Домой пришли. Мы чай глотали
Помногу, пить хотелось нам,
А чай был сладкий и прекрасный.
Я грыз баранку, был весь красный
От бега, оттого, что *бам*
Часы пробили громко нам,
Что день давно уже погас.
– Пора в постельку. Тихий час.

37

Вода тогда меня пугала,
Я просто плавать не умел.
На пляже горьковском я мало
В воде плескался. Я сидел
Под пляжными *грибами* с мамой.
Она читала с тою самой
Улыбкой книгу. Я глядел
На берег тот, где, кроме дел
Моих неспешных, два оленя
Стояли, чутко приподняв
Рога свои, моя родня,
В моей фамилии *Алейник*
Твердила мне, что я в долгу
С оленями на берегу.

Третья глава

1

Не спится. Ночь. Гроза над домом
Моим, и молнии в окне
Вдруг делают всё незнакомым
И на мгновение новым мне.
Гремят над улицей раскаты,
Вдруг бухает, и дождь мохнатый
Разгуливает и льётся с крыш,
Из неба бродит в окнах, рыж
От света фонарей неспящих...
Их свет в ночи ни для кого,
А лишь для зренья моего.
Они всё делают из статуй
Домов и улицы пустой...
Да нет, она в ночи со мной.

2

Мы с папой едем на Ошару,
На улицу, где папа рос.
Трамвай. Тепло. Кондуктор старый
Клюёт лицом и спит... Всерьёз
Я этот день воспринимаю,
В окно гляжу и размышляю
О том, как папа, взяв меня,
Передаёт при свете дня
Сегодняшнего эстафету
Своих далёких детских дней...
Пусть позаботится о ней
Сын и подхватит по завету
Уверенность прожитых лет...
Уйду спокойно – мой обет.

3

Мы по Ошаре к дедушке идём
По улице такой старинной,
Что папу понимаю; дом,
Звонок, и мы в гостиной.
Берёзки три стоят гуртом,
Смотрю на площадь под окном,
И голуби влетают в небо.
Давно у дедушки я не был.
А новый дедушка не тот,
Что раньше был описан мною:
Массивен, жаден, я не скрою,
Что не люблю его. Щедрот
Не видел от него ни разу,
Ну, бог с ним, с дедом, мы за разум!

4

По пятницам ходил я в баню,
Здесь сто шагов, и повернуть
Налево, прямо и... В тумане
В помывочной. Сквозь пелену
Стоит передо мною боком
Учительница. Я наскоком
Ей «Здрасьте!» скромно произнёс,
Она за шайку, и курьёз
Назавтра в школе сорок девять,
Куда меня перевели,
Из бани женской удалил
Меня, безвинного, с пригрева,
Которое давала мне
Помывочная, и всей родне.

5

На следующую пятницу я с папой
Пошёл помыться в баню. Мы зашли
В помывочную... Только для арапа
Мерцали лампочки вдали
От нас. Повсюду были люди
С мочалками. Без словоблудий
Мы мылись в обществе мужчин,
Далёких, впрочем, для ундин.
Я тёр мочалкой своё тело,
Глядел вокруг, и для меня,
Всю кровь мою воспаменя,
Явился чёткий, загрубелый
Мир истинных, прямых мужчин,
Я понял, что среди них один.

6

Я вспомнил о другом, подспудном,
О женщинах. Тогда меня
Несло по бытию бурунам,
И златорунная броня
Хранила и оберегала,
Так почему же было мало
Смотреть на них во все глаза...
Ползла проклятая слеза.
Пришёл домой и думал горько:
Опять мучения мои!
Меня позвали гнать чай,
Но не было в чаях нисколько
Той простоты и доброты
К которой пристрастился ты.

7

Младенчество закончилось моё,
И детство тоже? Нет, неправда это,
И в школу завтра. Новое житьё.
Я в класс вхожу, ученики одеты,
Как я. Сажусь, гляжу.
Моя фамилия! Скажу.
Конец урокам. Я домой
Бегу меж тени кружевной.
От дома метров сто, ан нет.
Я прибежал через минуту.
Сажусь за стол. Жую, как круто.
Я ем сготовленный обед.
– Эй, Саша! Списывать нельзя.
Пошла учебная стезя.

8

Друзья, конечно, появились.
А первый друг – Пахан Ябров.
Он шустр, задумчив, мы бесились,
Преследовали всех врагов,
Которые нам досаждали,
Мы их по переменкам ждали,
Покажутся – мы тут как тут:
– Ура! А то они живут!
Ходил я в гости. Раз сидим,
Считаем за окном машины.
Вдруг в череп мой, как бы дробина,
Мысль: если просто пригласим
Мы девочку, и просто стащим
Трусы, как будто были в чаще.

9

План был простой. Ябров взял трубку
И позвонил девчонке одной.
Она пришла, сняла пальто. Ни звука
Не проронили мы, и сразу в бой.
Сказали ей, что под кроватью
Сидит шпион из злобной рати,
Который выдаст нас врагам.
Согласна ты? Поможешь нам?
Она согласна. Под кровать
Она ныряет так бесстрашно,
Что может в схватке рукопашной
Побить врага как дважды два.
Она там не нашла шпиона
И вылезла с улыбкой скорпиона.

10

Я снял трусы и письку увидал.
Она стояла перед нами
И плакала. Какая в том нужда!
Но, видимо, был сбой в программе,
Которая подталкивала нас.
Ябров стоял как дикобраз
И делал вид, что понимает,
Так только видит и внимает
Тому, что здесь произошло,
Что поздно всё, трусы-то сняты...
Ну, что поделаешь, ребята.
Молчанье нас оберегло.
Потом зима – и мы вдвоём
По льду реки Оки идём.

11

Мы подошли к высокой барже,
И вдруг под нами треснул лёд.
Мы надрываемся, как в шарже —
Изображение лучших од.
Вода под нами. Мы кричим
Каким-то криком, аноним
Вытаскивает нас на берег.
Ух, слава богу! Мы в партере.
Театр, на сцене мы вдвоём
Так беззащитно тонем, *глупо!*
Когда б не парень, то два трупа
На сцене в некоем голубом —
Вода – предстали вам как драма,
Но нас ждала суровая программа.

12

Сначала отвели его домой,
Потом меня. «Ой, Саша! Что случилось?
Эй, говори! Ты что? Глухонемой?»
В постель... Мне ослики приснились...
Наутро в школу. Прихожу.
Товарища не нахожу.
Нет день, другой, и две недели
Без друга быстро пролетели.
Пришёл. Он хмур, угрюм, молчит.
В меня не смотрит. На уроке
Сказал он моём пороке.
Я встал и вмазал. Он кричит.
Ну, *выключили из процесса школы,*
Пошли против меня приколы...

13

Из октябрят был исключён. Слезу
(Ведь первый класс) ронял. Я плакал
Тогда в последний раз, в глазу
Сложился мир под знаком зодиака.
В миру моём всё хорошо.
Я говорил ему: ничо!
Горело солнце и планеты,
Светили древние заветы.
Не помню больше ничего
Достойного, ну разве это:
Влюбился в космос, и ракеты
Влекли меня, другое – фаблио,
Литература больше занимала,
И виделось хорошего немало.

14

Но вряд ли это точно понимал,
Мне жизнь казалась мелкой, скучной,
Я думал, что она нема,
Немыслимо ярка и жгуча.
Прошла зима. Закончился второй.
Другая школа за собой
Представила моё существование
В неведомой мне ранее нирване.
Всему причиной новый друг,
В той школе сразу подружились,
Увиделись и просто сжились,
И изменился мир вокруг.
Мир стал другим и лучше всех на свете,
Ну что поделаешь – мы дети.

15

Мы фантазировали: если
Слетать, положим, на Луну!
– Ты, Игорёк, в огромном кресле.
Ты видишь всю голубизну.
– Но дальше-выше – всё другое.
Там Космос! Ты покоя
И расслабухи не найдёшь.
– Скажи мне, ты меня возьмёшь?
– Конечно! Но Луна так близко.
Венера, вот что я люблю!
Садимся. Пульт... И кораблю
Лететь в стремлении великом
До диска Солнца. Сел в туман
И вышел в красный котлован.

16

– Идёшь – планета как планета.
– Твой звёздный пистолет с тобой?
– Чудовища вокруг? – А мета —
Галактики? – Мы вступим в бой!
– Сидишь и смотришь на вершину.
– Вдруг в небе видишь ты морщину.
– А из морщины той, гляди.
– Выходит некто: – Впереди
Огромная. Мечтали вместе
Мы на уроках и потом.
Бывало, заходили в дом,
Что нам казался при диете,
Когда вам пичкают одно,
А вы наелись им давно.

17

Шпионы очень занимали
Воображение тогда,
Круг подозрений мы сжимали,
Пока не скажем: «Вот сюда!»
Вокзал. Мы зырили за ними.
Вокруг народ. Нам только имя
До тех божественных минут,
Когда мы не поймём, что тут
Удача нам и улыбнулась!
Он! Что об этом говорить!
Пошли за ним, а нам следить
Раз плюнуть. Вот и гробанулась!
Ой, вот так да так да!
Горком! Всё лопнуло, как ерунда.

18

Мы выследили раз шпиона,
Пошли по следу. Он в такси,
И чемоданы (он учёный).
Не повезло. Он колесит
По городу, а мы не знаем,
Впустую мы глядим, тремаем,
Ан, глядь, и дядю унесло...
Нам в этот день явилось зло.
Зло отвратительная штука,
Когда оно берёт тебя
И, посекундно теребя
(Какая роковая скука!),
Хватает и гнетёт тебя,
Тебе макушку раздолбя.

19

Что ж, одиночество? Ну ладно...
Довольно вам баклуши бить.
Послушайте, не бонвиван я,
Чтоб вас без промаху бомбить.
Я с Игорем читал всё время,
Я помню то благое семя,
Заложенное мной в те дни,
Когда казалось, что зевни —
И всё уйдёт, оставив муку
О траченном запросто так.
Я не какой-то весельчак,
Чтоб натошак по ультразвуку
Понять, что все усилия зря,
А я дошёл до букваря.

20

Мы фехтовали. Взяли палки
И бились только потому,
Что начитались. В раздевалке
Дуэли были. Руку жму
Я Игорю (Д'Артаньяну),
И приступаем. Средь незваных
Противников мы вчетвером
С товарищами, как пером,
Сражаемся самозабвенно,
Тесним проклятого врага,
Кричим и колем за блага,
Но вот конец! Но вот измена!
Мы сплачиваем весь наш круг
И *правда* в жесте наших рук.

21

Д'Артаньян был Игорь Чурдалёв.
Друг с той поры далёкой и доныне.
Он восставал на всяческих врагов,
Мы были вместе в середине
Тревог, подавленности. Нас
Не утешает Фортинбрас,
Мы Гамлета оплакиваем вместе,
Готовые погибнуть ради чести.
А клады? Мы искали их
По всем подвалам, закоулкам,
Вдвоём мы лазили по люкам
Всё в *помышлениях благих*.
Но ничего мы не нашли
И оказались на мели.

22

Учился я не очень гладко,
Пятёрки – редкость в дневнике,
Четвёрки, тройки, если кратко,
Водились в нашем кошельке.
Умора-парень! Хохотали,
Когда к доске... Все кайфовали
Над колким юмором моим,
Но зоркий глаз неумолим.
Учительница. Игорь в курсе.
Родная бабушка его!
А мне, представьте, каково,
Когда при нём, а я во вкусе.
Приходится молчать и мне,
Мы с ним повсюду наравне.

23

С младенчества я был привязан
К двоюродному брату моему.
По чести был ему обязан.
Он далеко... И почему
Судьба связала нас, разъединила,
Обоих впрок потерявила,
И нет его. А я живу.
Эй! Алик! Отзовись! Ау!
Двоюродный! Я обнаружил,
Когда пришёл я в третий класс,
Мой братик, добрый Алик Кац,
Другое Я, мой крепкий *друзе*,
Учёба в школе сорок девять.
Я слышу вас. Скажите, где вы?

24

А грех на мне. Я выбил зуб
Ему ударом. В третьем классе.
Я никакой не душегуб —
Король манежа при Пегасе.
Всё брат родной. Зовёт вдвоём
С приятелем в какой-то дом,
Даёт по паре нам перчаток.
Мы глупые, как медвежата,
Стоим и начинаем бой.
Удар... И зуб летит молочный.
Так, нам головки замороча,
Он наслаждается собой!
А Алик? Он меня простил,
Он все печали погасил.

25

В апреле прихожу я в школу.
Звонок. Все высыпали. Мы
За ними. Радио и соло.
А наши бедные умы
Поражены известьем громким:
– Гагарин полетел! – подскоков
Поток! Мы дожили! Ура!
И прочее *et cetera*.
Пошло другое увлечение —
Вернулся космос снова к нам.
Мы сговорились, и *врагам*
Мы объявили *nota bene!*
Отправились мы через мост
Под кучу шуток и острот.

26

Гагарин Юрий Алексеич,
Любимый дедушкин герой,
И летчик, друг его, Серегин,
Давно лежат в земле сырой.
Быть может, дедушка их встретил
И рассказал, как их жалел,
Когда они разбились оземь,
Ведь он за ними улетел.
Теперь все трое там, все трое,
Где Рим, и Греция, и Троя,
И если скучно им втроем,
Пусть не скучают. Мы придём.

27

Неправда это. На трамвае
Мы ехали через Оку,
В снегу дома, холмы вставали,
И небо было начеку.
Вдруг снег пошёл. Мы поднимались.
Вот планетарий. Мы из дали
(Поскольку было далеко)
Глядели в реки, в молоко
Реки Оки и – справа – Волги.
В снегу и старый окский мост,
Деливший реку, и на ост.
Канавино, и долгоногий
Трамвайный путь на берегу —
Как нож прошёл по пирогу.

28

Я видел планетарий раньше,
Он маленький; и белый снег.
От остановки он подальше,
Повыше. Не попал бы ввек
В него, когда б не это утро.
Кричали все. А мы? Мы мудро
Пришли сюда. Мы входим внутрь.
– Эй, мальчики... Чего? *Да ну!*
Мы стали приходить два раза
В неделю в новую мечту.
Тачали стёклышки. Вплету
В роман рассказ о пользе глазу
Глядеть сквозь малое стекло
На то, что в космосе прошло.

29

Мы, маленькие, там тачали
Среди кружка больших людей,
А вечерами обретали
У телескопа сонм идей.
Мы грезили полётом в космос,
Глядели ввысь, искали дома
Для наших тел, голов, сердец.
Мы думали, что есть гребец,
Который смотрит тоже в небо
И, может быть, увидит нас.
– Эй! Дорогой! Небесный ас!
Лети сюда! Я в жизни не был
Ни в космосе, ни в голубой тени
У вас; мой голос сохрани.

30

Я трачу жизнь не для того,
Кто труд мой правильно оценит,
Чтоб мне в потомстве боевом
Не обернутся вашей тенью.
Ну, я умру, пробьёт мой час.
Утешит моя гибель вас?
Да вряд ли, жизнь – она звезда,
От смерти – прыг! И никуда
Не вырваться, хоть как не бейся.
Беда торчит в себе самой.
Так что вам до родства со мной?
Рассудок ваш, шагни и взвейся,
А смерть и от неё покой.
Что будет с жизнью и со мной?

31

Осталось верить только в чудо.
О, горький, неминуемый бой!
А смерть? Да ну её, паскуду.
Не веришь? Ну и чёрт с тобой.
О смерти надо все заботы,
Оставить, ровно позолоту
Дремота... А потом и сон.
Смерть – мир другой. Что значит он?
Обрыв... Конец и прекращенье
Забот, печалей и скорбей,
И станет хорошо... слабей...
На вечном ты с тех пор рентгене.
Что там увидят, то в тебе,
Ты не причастен к ворожбе.

32

Тачали мы, и *надоело*.
Три месяца прошло. Июль.
Я с мамой в лагерь. Вот, пробелы
В воспоминаньях. Карауль
Ты памяти своей основы,
Что было раньше, станет новым,
За прошлое сейчас возмись,
Ты только правду отщеми
От вороха воспоминаний,
Что было нам не изменить.
Так проходили наши дни,
Как время, далеко, в тумане.
Ты ищешь, где проходит путь —
Секунд потраченных пальбу.

33

Дружок мой, толстый Миша Слугин,
Большой и добрый человек.
Я преданней и лучше друга,
Наверно, не сыщу вовек,
Но Игорь тоже ходит в первых,
Он, правда, на поджатых нервах,
А Миша – добрая душа,
Он белобрысый, есть в нём шарм,
И всё. Достаточно для дружбы,
И преданность твоим страстям,
Наверное, забавна вам,
Мне нет, и, Мишенька, голуба,
Я сохраню твой добрый вид,
Пройдя сквозь жизни лабиринт.

34

Глухая ночь. С наганом Галя
Идёт к махровым кулакам.
Её на бой в стране позвали,
Несдобровать её врагам.
Так приблизительно я думал
О бабушки лице угрюмом,
Была *учителкой* она,
И Чурдалёв – те времена —
Был в нашем классе внуком «дамы»
Галины (столько лет прошло)
Сергеевны (раз-два... в седло!),
И гнавшей лошадь с криком «*Мама!*»
Галин Сергеевны мы все
Боялись гнева и *досье*.

35

Обед в роскошном ресторане,
На первое – шикарный борщ.
Вокзал наискосок от зданья.
Оркестра нет. Какая мощь
У Игоря. Директор дед!
Сияют окна и паркет.
Он нас сюда поесть позвал.
Едим, как будто ритуал
Мы исполняем. Вот второе.
Бифштекс с картошкой! Беда!
Я есть, что ли, пришёл сюда?
Официант – лицо смурное.
Наверное, он денег ждёт,
А дед ни капли не даёт.

36

Я ночью вспомнил дядю Капу:
На лодке плыли в те места,
Где рыбу можно с лодки лапать.
Он *ботало и тра-та-та...*
Услышав звуки рыбы, разом
Теряли цели, толк и разум.
Фонарь всё это освещал,
А он без роздыху таскал
Огромных карпов. Всё! Хана!
Мы плыли в лодке, полной рыбы.
Он опасался штрафа, ибо
Всё может быть... Скорей, волна,
Качай, неси нас от прудов,
Подальше от людских шагов.

37

Я, помнится, в *ночное* ездил
На лошадёнке. Я глядел
Вокруг, и Божье милосердьё
Я чувствовал среди людей.
Я маленький, почти что птенчик,
Меня закутали по плечи,
Идёт мужик и еду я.
И вдруг я вижу как змея
При свете неба рот открыла,
Он – *жах!* – и дохлая змея.
И хохот громкий меж бабья:
История их рассмешила.
Сидели ночью вокруг костра
Под небом, полным серебра.

Четвёртая глава

1

*Я вспоминаю – вот название
Романа. Но куда же я?
Нет, Абрис – буковок собрание,
Что даст основу бытия.
А – это Александр Алейник.
С – Саша – да-а-алеко от тлена.
Довольно, и сейчас апрель —
Яснее ум и жизнь и цель.
Глава закончена. Победы
Вы можете увидеть в ней,
А поражения – где слабей,
Где поживей, вам лучше ведать
Чем прочитать, затем забыть,
Чтоб время *сбагрить* и убить.*

2

Галин Сергеевна в очках,
Взгляд строгий, волосы седые,
Такую лучше бы в войсках,
В руках мозолистой *России*.
Ан нету – в школе, за столом.
Над партами, как грянул гром,
Пошла гроза, и шум, и треск.
И с неба молний свет и блеск.
Галин Сергеевна, я помню:
Из пионеров исключён
За мелочь: «Он виновен. *Он!*» —
Звон в голове, ка-ме-но-лом-ня.
Ну ладно, что там ворошить,
Мы живы, вам бы так прожить.

3

В гостях у Игоря: я ем
Картошку жареную с мясом.
Как вкусно! Божий рай! Эдем!
– Ещё? – Ещё. – Божественно? – Потрясно! —
Галин Сергеевна кладёт,
А Саша аккуратно *жрёт*
Всё, что положит на тарелку.
Над нами бабушка-сиделка.
Нам было очень хорошо.
Мы вышли: вечер, в небе звёзды.
На улице листвой берёзы
Шумят-поют, и дождь прошел.
Я шёл домой и помнил вечер,
Он Игорем очеловечен.

4

Компания вся собралась
У Миши Слугина в квартире.
Мы «Битлз» слушаем. – *Вот класс!* —
– Ох, хорошо! – *Без облезира!* —
В окошко солнце бьёт вовсю.
– Тебе побольше? – Нет, мусью. —
Так разговор и продолжался,
А «Битлз» впрямь разбушевался.
Потом, на перемене в школе,
Всё вспоминали мы о них,
Мы не смотрели на *чувих*,
О, господи, нужны нам что —
Их бесконечные *да-да?*
Уж лучше воля, господа.

5

Я знал о Мишкиных проделках,
О маме Миши, об отце,
Привезшем то, что станет века
Прекрасной вещью, о птенце —
Магнитофоне. Что ни скажешь,
В его крутую память ляжет.
Нажал на клавишу – поёт
Иль говорит. Он бытиё
В подобие бывшего крутит,
А ты – ты слушаешь его,
И говоришь себе: во-во!
Всё было правдою до жути,
А правда людям так нужна —
Понять до капельки, до дна.

6

Ты помнишь *дедушку Бабая*,
Который подметал наш двор,
И малые, два раздолбая,
Что лезли к деду... где тот вздор
Для головы, набитой крепко,
По самую *крутую* кепку,
Шалить над ним, душить всегда?
Посмотришь в прошлое – беда...
Прошло то время золотое,
Когда гуляли мы с тобой,
Не жалко ли тебе – отбой —
Что мы живём в плену застоя,
Что время не остановить,
Течёт от дружбы, от любви.

7

В четвёртом классе прочитал
Трагедию Шекспира *«Гамлет»*.
Братоубийство я узнал:
Юлит всё время, зубы скалит
Принц датский. Толковать нутром,
Но притворятся дураком!
Пока не узнаёт детали —
Конец! Они в нём распластались.
Тут и зарок братоубийства.
Он знает всё, и мщенье в нём:
Смерть матери, отца, кругом
Он видит подлое витийство.
Он мстит убийце, и хвала.
Как жаль его. Шекспир! Дела!

8

Он попрощался с королевой
И лёг под деревом поспать.
Заснул тут братик. Боги! Где вы?
Зачал историю клепать.
Он подошёл и, яд доставши,
Перекрестился. Братик старший
Тут отдаёт концы. Ура!
И пушки бьют *et cetera*.
А Лёва? Надо тут подумать.
Нет, он не может, это факт.
Характер взбалмошный, чужак.
Ну что ему для остроума?
Достаточно его ума.
Ох, Господи, прости, эх-ма...

9

Откуда в нём жестокость зверя?
Он подл по-крупному. Он хитр.
Он братец – символ изувера,
Он высунется – и хи-хи...
Он держит против брата *мазу*,
Прибавит, если чует, газу.
Приятно жить и управлять,
Захочешь – и закабалить.
В семь лет я снял трусы с девчонки,
Пришёл домой и рассказал,
Он всё запомнил, сразу взял
Владычество, как листья коки
Я принял, родичам молчок.
Спроси – хихикнет: – Малый, *чо?*

10

Мне лет, наверно, восемь-девять.
Я прихожу домой с двора.
Лицо с царапиной. Брат в гневе.
Стук в рёбра. Началась игра.
Закончена, уходим. Дома
Смотрю в него как незнакомый.
Он Лёва? Правда, *он мой брат?*
Конечно, я ужасно рад!
Но как же это с ним, противным.
Что унижал меня сто раз.
Иль грянул новый, *добрый* час,
Когда не надо щепетильным
Мне быть? Не знаю, что сказать.
Не знаю. Надо бы узнать.

11

Девчонку звали Ниной, вместе
Ходили в школу восемь лет.
Забыли мы и о скелете —
Об этой жуткой срамоте
Проделки роковой моей.
Но Лёвочка, как скарабей,
Учёл и стал меня *утюжить*,
Так в доме нашем стало хуже
Мне одному, пока прошло
Пять лет. Он начал зубоскалить.
— Родители не заковали, —
В ответ ему сказал назло.
Он изменился, и в лице
Возникла мука о конце.

12

Примерно лет с шести, не ране,
Узнал всю *правду* про себя.
«Еврей», сказали мне цыгане,
Весь мир подлунный раздробя
На нации. Что быть *евреем*?
Цыганом? Русским? Мы чумеем,
Приняв как гадость странный вид.
Орать *москаль!* Иль *Рома!* *Жид!*
Жиды – от польского *евреи*,
Никак, ничто не против нас.
Орать хотите – в добрый час.
Название от суеверья.
Но плохо, если *молодцы*
Начнут реветь во все концы.

13

Я стал стесняться постоянства
Народа нашего, крови.
Что значит *мировое братство*?
Когда есть принцип – оторви
Любого в свете человека,
Кто не такой как ты. От века
Лежит на всех одна печать,
Что не по нам – то душу рвать.
Взывать к другим: «Возьмитесь, люди,
И бейте беспощадно их!
А то другие всех чувих,
Точняк, о братья, *опаскудят!*»
Ну что ж, такая маска зла —
Смотритесь лучше в зеркала.

14

Евреи, русские, татары
Учились в школе наравне,
И сын ты Клаши или Сары —
Всё было безразлично мне.
Я видел в школе тьму евреев
И помню, как от эмпиреев
Они терзали все подряд,
И если вспомнить целый ряд
Промашек, козней и терзаний
Над бедной радостью моей,
То надо до скончанья дней
Поставить кучу изваяний
Им, братьям, в сущности, моим,
Как памятники всем другим.

15

Я рисовал довольно гадко
На фоне всех учеников.
Пришлось, чтоб появилась гладкость,
В кружок тащиться сродников.
Я приходил, садился, утку
Я рисовал без промежутка,
Вставал и после уходил.
На троечку хватало сил,
Потраченных в плену гуаши,
Чтоб только передать процесс,
Что утка взмыла и тот лес,
Который был на промокашке,
Исчез навек, как серебро,
В помойное (в углу) ведро.

16

Позвольте, я повспоминаю
Давно минувшие дела.
Вот поликлиника. Я знаю,
И мама, врач, перебрала
Сопливых, с гриппом, пациентов,
И разных прочих элементов,
А Зоя, медсестра её,
Устала зверски, ё-моё!
Я говорю: – Послушай, мама!
Представь, что каждый человек
Принёс по пять копеек. Век
Нам не потратить. Ну, реклама
Бы вычла столько, сколь смогла,
Нам остальное отдала.

17

Я к Мише Слугину на дачу
Приехал летом. Помню я
Клубнику вкусную. В придачу
Для украшения бытия
Он розы подарил. Я ехал
Домой и вспоминал со смехом
Его весёлого, себя,
О дне прошедшем с ним скорбя.
Вот дома я. Недолго думал:
Я розы сунул в кипяток.
Я пламенно желал, чтоб сок
Остался у меня, как сумма —
Изображение на века,
Хоть жизнь и вправду коротка.

18

Вода приобрела оттенок
Чего-то жёлтого, потом
Позеленела; много пенок.
Я чувствовал себя рабом
Воды. А после завоняло.
Я воду вылил, я провала
Почувствовал в самом себе,
На глупом собственном горбе.
А в пятом только вышел в люди,
Тогда я понял про себя:
Я человек *такой* – гребя,
Уж лучше мы *поперечудим*,
Поймём, что нужно от себя,
И дальше двинем, не скорбя.

19

Политика, и прежде *Ленин*,
Вошли в меня, как в воду луч,
Отвесно и без преломлений.
Что есть *говно*? Вопрос иглу
Воткнул в меня. *Интеллигенты*?
Позвольте, эти элементы
Наверно, лучшее, что есть.
Так что же *Ленин*, ваша честь?
Распоряжается так тупо
Интеллигенцией в стране.
Так что же говорят при мне
О происшествии так скупо...
Нет, что-то явно здесь не так,
А Ленин был большой дурак!

20

Приёмник стал учить меня,
И я усваивал уроки:
С семи часов, как только дня
Конец, я слушал все истоки
Событий в *дорогой* стране,
Но туго приходилось мне.
Но надо как-то разобраться.
Что надо делать? Право, братцы!
Услышать ночью с уст других
Невидимых, но, чёрт, *правдивых*,
Что ясны стройные мотивы,
Куда стремится на своих
Ногах – в широкое пространство
Без *дорогого* горлопанства.

21

Я годик только походил,
И *утка* вышла на бумаге
Довольно сносно. Я судил
Стремление к прелести и влаге
Достаточной, и для меня
Четвёрка вышла как броня.
Я бросил это рисованье,
Переменились все желанья.
Я захотел на Божью волю
Из этой *дорогой* страны.
Я понимаю, рождены,
Но, Господи, я должен, что ли,
Сносить последние штаны
И помереть, не зная дней
В земле чужой, *понадрывней?*

22

Я был левей, чем Чурдалёв.
Он чувствовал себя прекрасно,
Не то что я. Он был не *красным*,
Но *розовым* до всех основ.
Но это нам не помешало
Дружить как прежде, было мало
Всего хорошего, дружны,
Хоть спорим, мы опять нежны
Друг к другу. Это отговорки
Того, что так волнует нас,
На нас двоих лежит страна —
Что делать? Глупы переборки
Меж нами. В сущности, одни
Мы проживаем наши дни.

23

Я ночью беспрерывно слушал
Свободу. После, в школе, днём,
Я отсыпался, бил баклуши,
Я не хотел здесь быть грибом.
С доски жужжали понемножку...
Мне всё равно, под волей Божьей
Я стал о Западе мечтать,
И всё равно, что отмечать
В журнале классном в пятом классе.
Я спал почти что весь урок,
Я был *главою лежебок*,
Я дрыхал ради прибамбасов,
И все отстали от меня,
Ничто во мне не изменя.

24

Зима. Я прихожу из школы,
А Лёва, брат мой, говорит
Под пенье новой радиолы,
Что есть билет: он примирит
Нас с Сашей. Мне даёт билетик.
На пятьдесят рублей! (Балетик
Сейчас исполню для него).
– Какие книжки взять? – *Всего!*
Я еду в книжный магазин
На площадь Горького в трамвае,
Я сам по совести желаю
Книг нахватать совсем один.
Там будет то, что можно взять,
Об этом можно помечтать.

25

Я еду на трамвае в *город*.
Река в снегу, и снег блестит
В окно трамвая. Еду. Скоро
Я книг куплю. Я кондуит
Для брата поспешил придумать...
В окно трамвайное я дуну —
Отдает маленький экран.
Вот мост. Гони, мой шарабан!
Вхожу, копаюсь долго в книгах.
Набрал порядочную дрянь...
Что делать, ты по полкам глянь —
И барахло — увидишь *фигу*.
Стою пред кассой. — Вот билет. —
Ах, батюшки! Я *шпигалет*?

26

Пошли разборки. Я смотрел
И думал, почему мой Лёва,
Взял ножницы, меня посмел...
Из-за него влипаю снова.
Оправдываюсь и молчу.
Ой, мама! Я домой хочу.
Директор в гневе на меня.
На улице, и вечер дня
Ведёт меня опять к трамваю...
Сажусь и еду, стук колёс.
С холма съезжаю я на мост.
Поосторожней с ним, я знаю.
Пришёл домой, опять я с ним.
Он скалится, невозмутим.

27

А Лёва разыскал плакат,
Откуда вырезал билетик,
И дал его. Ведь он же брат.
Наверно, он и не заметит.
А брат его, конечно, я.
Я сунулся. Одна семья.
Приехал, книги-книги-книги.
Ан, нет. Попался! Здесь не Рига.
Здесь Горький! Мальчик, *ай-яй-яй*.
Кого ты обмануть желаешь?
Милицию ты здесь не знаешь?
Милиция придёт, гуд бай.
И дальше в том же духе прочат
Мне будущее – гвалт и склочья.

28

Я восхищался: как он, Игорь,
Рисует. Я когда бывал
В их доме, я, как забулдыга,
В себя понятия впивал
О Грине, Лермонтове, прочем,
О том, что он по правде хочет,
Всё перед зрением моим,
Его наитьем преблагим.
Я помню, как вдвоём балдели
Мы, развлекая музыкантш,
Когда, концерт увидев наш,
Они смеялись и шумели
Из окон... Был последний шанс
Что девушки оценят нас.

29

Вот папа, маленький ребёнок,
Живущий очень высоко.
Вот мать его встаёт, спросонок
Выходит вниз за молоком.
Вот маленький Аркаша ищет
Коробку, смотрит – и глазища
Находят сразу же её,
Он мальчика кладёт в неё.
Толкает он в проём оконный
Младенца, входит мама в дверь,
Бросается к окну. Теперь
Все живы, разговор салонный.
Мне рассказали всё сейчас.
О, господи! Каюк! Атас!!

30

«Не образумлюсь, виноват»,
Так папа начинает чтение.
В гостях у Зюзика. Глядят
На папу. На лице волнение
У папы. Он читает, дрожь
Меня знобит, он *так* хорош.
Кац Алик, сын, сидит и смотрит
На папу, словно при осмотре.
А дядя Зюзя – он поник.
У папы на глазах слезинки.
Я лучше не видал картинки,
Чем папа. Скромный проводник
Для Алика и дяди Зюзи,
Удары дорогие в блюзе.

31

АК, мой троюродный брат,
Жил близ вокзала. Остановка
Трамвая, домик. «Очень рад!»
Вхожу в квартиру. Обстановка
Шикарна. Дядя Зюзя здесь.
«Соломка», павшая с небес.
Обед роскошен, как всегда,
И с газом (вонь) одна вода.
А после мы идём в кино,
Недалеко, тут повернуть.
Сидим и смотрим, и моргнуть,
Когда он тихо скажет: «*Но*».
В ковбойском фильме за углом,
Где некогда стоял их дом.

32

О дяде Изе: он повоевал,
Рассказывал, что на войне, однажды,
Он мылся в бане – карнавал
Мытьё такое с женщинами! Дважды
Был ранен, но остался жив
И, планки быстро прикрутив,
Пришёл и поступил в юристы,
Закончил всё и был басистым,
И встретил молодую Суламифь,
Женился, двое мальчиков, работа,
Не отпускало чувство фронта,
И тут пошёл корабль на риф.
Он заболел – кишечник, *рак*,
Без *ха-ха-ха*, без всяких врак.

33

О, дядя Изя умирал
В квартире осенью, я слышал,
Как он через окно кричал.
Дыханья нет, потом подышит,
И снова шум, истошный крик,
Молчанье, новый маховик
Качнулся, тишь, и новый звук
Обрушит словно новых мук
На вас, конец и тишина,
Минута полная, и взрыв,
Таинственный глухой надрыв,
И дальше снова задана
Программа Алику и мне,
Мы слышим звуки в беготне.

34

Немного откручу назад
Я ленту памяти об Изе,
Вы знаете, что жизнь под зад
Даёт, что думать об эскизе?
Все родичи, знакомые его
Пришли к нему, ни одного
Которого не оказалось.
Собрание их тогда сказало,
Что дело плохо, но мы здесь,
Чтоб помогать жене и детям,
Давайте мы себе пометим,
Что Изя Кац сейчас в нужде.
Мы платим всю зарплату ей,
Пока не вырастим детей.

35

Вы можете здесь удивляться
И что угодно говорить,
Пожалуйста, глядите в святцы,
Но люди *покаялись* платить.
У Суламифь была опека —
Носили деньги человеку,
Что ж, в доме денег ни копя,
Понятно всё, семья, друзья.
Как будто из станкозавода
Всё доставляли ей домой,
Как в море каждый день прибой
Платили каждый месяц – годы.
А Лазарь, тот, что старший сын,
Теперь в Израиле, аминь.

36

Да, если помните жену,
Суламу, то попозже в Горьком
Смерть призвала её одну,
Мир праху, всё по договору.
Она у ней позабрала,
Оставив лёгкие дела.
Ходила по пятам, следила
Пока не чавкнула могила,
Пока не грянул с неба хор,
Смежились сразу *тёмны вежды*,
И прах унёс её надежды
На малость малую, забор
Закрылся, бездна наступила,
К теням она пошла, спустилась.

37

Я помню, как на снимках Лазарь
Всё улыбается, гляди.
Ни одного не помню раза,
Чтоб он кому-то досадил.
Он возрастом был равен Лёве,
Но разве близок? Он в основе
Диаметрально был другой.
А Лёва? *Фигушки*, постой.
Ведь Лазарь был *прекрасным* братом
Для Алика. Он был *своим*.
Он Аликом всегда любим,
Не то что с нами, кончишь патом,
Когда захочешь сделать ход,
Ан глядь — и кончился завод.

Пятая глава

1

А дед любил меня и Лёву,
Не понимая, что неправ,
Мы оба были, две подковы,
Источником его забав.
Не видел разницы меж нами.
Один – хорош, другой – во сраме.
Ему всё было всё равно,
Хоть спичку кинь, а хоть бревно.
Ну, мальчики шалят, играют,
Повздорили, пройдёт в момент.
Он действовал как резидент,
А *мальчики* всё залипают,
Пока он любит, нежит нас;
Огонь приязни не погас.

2

Мы в пятом классе. С Чудалёвым
Я еду в *город*. Мы сошли,
Направились по зову зова
В *Дом Пионеров*. Надо ли
Рассказывать, как мы разделись?
Прошли наверх и в зале сели.
Мы стали слушать и смотреть,
Потом я начал так скорбеть
Над *трупом* Б. Л. Пастернака,
Что встал вступиться за него.
Молчанье. Дяди: «*Что? Чего?*»
И. Чурдалёв ведёрко шлака
Засыпал на больших *дядей*.
Оделись в холод площадей.

3

Литературой я увлёкся,
Но, слава богу, не один,
Я в ней, как многие, толкся,
Не зная множества пружин,
Что двигают литературу.
Я думал, что от синекуры
Зависит собственный успех,
Печаль, волнение или смех.
Но было нечто, что не знал я —
Тоска глубокая, когда
До слёз доводит, господа,
Масштаб страданий планетарный,
Когда бессмысленно ловить.
О, Господи, скажи — как жить?

4

Но каждый для себя решает
Дорогу собственных удач,
Туда беспamięтно шагает,
Звучнее протрубил трубач.
Ты звук таинственный услышал,
И топает без передышки
Навстречу собственной судьбе,
Не зная, сколько же тебе
Пройти останется по миру
Под звук, что мучает тебя,
То ненави́дя, то любя,
С тобой играя, как секиру
Взнесёт и жахнет. О, мой Бог,
Не будь Ты с назначением строг.

5

Она сама в меня входила,
Как в масло входит острый нож:
Ступаешь в воду – сгустки ила,
Пригож ты или непригож,
Вдруг обволакивает ногу,
Ты чувствуешь, что ты пролога
Не знаешь, но ты *должен* знать,
Ты учишься, себя понять
Невыносимо, но ты к цели
Идёшь, не ведая преград.
Ах, батюшки! Ты будешь рад,
Подумаешь – не ослабели
Те путы меж тобой и ей,
Уйдёшь – и будет ей больней.

6

Явился предо мной учитель
По рисованию. Вошёл,
Представился. Большой блюститель
Рисунка. Всякий произвол
Он бесконечно ненавидит,
Как будто кто его обидит,
Фамилия его странна —
Он *Мяконький*! И, вот те на,
Заика! Николай Фомич, он квёлый,
Морщины на щеках. Он сух,
Он начинает, и тот дух,
Что свойственен ему, весёлый.
Он говорит о новизне,
Что так понятно вам и мне.

7

Е-сё один великий *перл*,
Чем начинал урок наш *гений*,
Брал карандаш, кто *бой*, кто *гёрл* —
Все падали. Он *бог падений*.

«Николаю Фомичу
*В ж*пу вставили свечу.*
Ты гори-гори, свеча
Николая Фомича».

Ну, детские стишки, пустяк
По милому сравненью с *чудом*,
И больше я, клянусь, не буду
В дальнейшем делать просто так.

Но, право, мне до слёз смешно,
Хоть было это так давно.

8

Мы с Игорьком безбожно прогуляли
Урок труда, сказали нам:
– *Трудиться!* – что ж, мы повздыхали
И вышли. Двор. Без всяких драм
Подходим к двери, и *закрyto!*
Стучим. Напрасно. Мы забыты.
Тогда от двери отхожу,
Разбег... Я ногу *ублажу!*
Нога в двери! Дверь проломилась!
Разбег – и Игорь Чурдалёв
Близёхонько. И тут же *лбов*
Ведут (*директор школы!*). Милость
Никак не проявляет к нам.
Назавтра педсовет, бедлам.

9

На педсовете нас решили
Из школы срочно исключить.
Стоим пред ними: *или-или?*
Тут начинает всех бесить
Учительница *Мин Арона*,
Она, как адская горгона,
Кричит на нас, колотит стул,
Вопит то *хлыщ*, то *караул*;
Вбивали гвозди ей под зад,
Садится – стул, как подлый гад,
Разваливается... крышка гроба
Так вскочит в полночь. Хохот спас.
Мы в школе! Смех-спаситель нас.

10

Асимов Коля на неделю
Пришёл, побыл и улетел.
Стонали школьные приделы
От прошлых *нехороших* дел.
Во-первых, был он весь в наколках —
Тюрьма далёкая и зол как
На вас, на всех, на целый свет —
В *тмутаракань* на много лет.
Он посидел и бритвой срезал
У девочки, что впереди,
Одежду – платье – навредил.
Он чёткого, пардон, диеза
Для школы так не увидал,
День кончился и он пропал.

11

Брунова Таня всё ходила
За мной, пока однажды я
Ей не сказал: *«Да что ж ты вбила!»*
Потом досталось мне: сия
Оценка Танечки Бруновой
Была неправильной. Я снова
Прошу прощенья, что я так
Сказал. Какой я был дурак!
Она была красивой, стройной
Блондинкой с розовым лицом.
Я был бы рад её рабом
В пределах жизни беспокойной
Подать, что только нужно ей.
Бей, барабан, покруче бей!

12

Явился третий друг нежданно.
Он рыжий, и лицо его
Сначала показалось странным.
Я чувствовал, что есть родство
Меж нами, дружба сохранится,
Она, как отчая земляца,
Продержит нас сто тысяч дней,
Мы сделаемся всех умней.
Друг, Юра Смолин, был угрюмей,
Чем я, черта угрюмая его
Был *коммунизм* – всё ничего,
Ведь это не мешало думам
Моим над правдою времён,
А *коммунизм* отвергнет он.

13

Я летом шестьдесят шестого
Пошёл на пляж, где встретил их,
Генашу Шнейдера и Вову,
Дружков по классу и моих
Картёжников. Играли в карты
У Динерштейна Вовы в *хате*.
Расположились на втором,
Допрежь из школы мы бегом
(Здесь метров сто) вбежали в двери,
Расположились, чай, тепло.
Колода карт – и повело:
«Что? Преферанс?» На сём примере
Поймёте, как летели дни.
Я что, объелся белены?

14

Так вот, поспорил я на пляже,
Что мигом зацеплю одну
Девчонку. Мне сказали: «Лаж!»
Поплыл, и я уже в плену
У Карауловой. Мы вышли
На берег и, наверно, выше,
Увидел Боже, что меня,
Фигуркою оледеня.
Творец смотрел на нашу землю,
На мальчика *во цвете лет*,
О, Господи, твой суд приемлю.
Смотри и смейся надо мной,
Девчонка – дрянь, а я больной.

15

Увлёкся я, но *не* влюбился.
Гуляли вместе. Я сидел
С ней в планетарии, резвился,
Поскольку был большой пробел
С девицами. Я целовался,
Дичайшей спесью наливался
От Люськи, но всему цена —
Мне опротивела она.
Умишка плоский, только губы
Влекли меня, по правде, к ней,
А остальное мне, *ей-ей* —
Казалось скучным, мелким, грубым.
Но Караулова в меня
Вцепилась, *будущим* маня.

16

Сидели мы на физкультуре,
А солнце было против нас,
Подглядывали Лидке, дуре,
Мы под ноги. О, Божий глас —
У Зотовой, девчонки рыжей,
Колени в стороны. – Гляди же! —
Трусы? Висят вокруг *манды*
Брада, и главное – беды
И не было б, когда трусишки
Всё закрывали бы тогда,
Но главная во тьме *звезда*
Освещена, и шалунишки
Глядят на зеркальце в неё:
– О, боже мой! – О, *ё-моё!*

17

Сидели бы не близко к полу,
Ан нет, сажали нас всегда
На досочки для волейбола.
Повыше? Не было б вреда.
Урок заканчивался. Солнце
Выходит в небо из оконца.
Звонок. Мы переходим в класс,
Где мучат беспрестанно нас.
Над Лидкой посмеялись после,
Но девочки, вот где фурор.
Атас! Кромешный перебор.
Как изменились все. По школе
Ходили девочки вразвал,
Я чётко мир их познавал.

18

Седьмой. Всё изменилось круто,
И девочки ходили так
Ново, буднично, и будто
По небу бродит зодиак.
Они совсем переменились —
Перебесились и клубились,
И словно туча наплыла,
А ты стоишь, приберегла
Походкой массу наслаждений,
Ты смотришь на лицо её,
И роковое остриё
Укалывает на мгновенье
Тебя – и всё, и ты погиб,
Ты понимаешь, что ты влип.

19

Елена Германовна Шнейдер
Была учителем всему,
Как биржевой могучий трейдер,
Она давала твоему
Воображению избыток
Деталей правильного быта,
Она взяла, и пятый класс
Стал домом праведным для нас.
Руководитель класса – штука,
С которой надо поострей
И лучше с ходу, похрабрей
Добиться, чтобы скорость звука
Приказами к ученикам.
Всё хорошо, и слава нам.

20

Вы помните, мой друг, *картёжник*,
Генаша Шнейдер? Был он сын
Её – шутник, он был художник.
Стройинститут, потом *власы*
Взяла работа. Инженерит.
А может, пенсия? Зрит. Верит.
Играет в шахматы? Давно
Я не видал его. Равно
Елену Германовну. Время
Идёт бесплатно, каждый день.
Ты руку в Божью высь воздешь,
Чтобы понять, что на эмблеме
Базируется *ничего*,
Ни тела, ни души его.

21

Борис *Адольфыч Рац* – явление,
Что трудно мне вам объяснить.
Учитель физики. Он денег
Потратил столько *на фигни*
Изрядной – книги, книги, книги.
Когда вошёл, тогда вериги
Упали сверху на меня —
Шкафы, в которых как броня
Стояли полные собрания
Различных авторов, но я
Увидел, как от *а до я*,
Все книги, против их желанья,
Во множестве – я не шучу – *у нас*
Повторы, и по много раз.

22

Собраний пять стояли вместе
Шекспира, три Гюго, а шесть
Сервантеса. На должном месте.
Все одинаковые. Есть
У вас сей прыти объясненье?
Я думал: что ж, родился гений,
Понаписал – и нет его.
Рац выступит и скажет: «Во!»
Потом притащит, всё расставит
И будет целый день смотреть.
Но хорошо бы заиметь,
Чего себе он не представит —
Книженцию, что воровство
Работает против него.

23

Аркаша Рац, старинный друг,
С которым вместе мы учились,
Сынок Бориса и дундук.
Ну, вспомним, вместе сговорились
Пойти туда, где новый цирк
Уже выпрастывал свой клык.
Песок, наваленный как море,
Разбушевался на просторе.
По морю бегали мы славно,
Оно бурлило, и нога
Искала глупого врага,
Который умирал забавно
В песке, среди других врагов,
Отколошмаченных дубов.

24

Наташа Зеленова – дама,
Что вызывала у меня
Волнение. Ева у Адама
Когда *всё* *сделалось*, маня
Его, заблудшего супруга,
Хоть с кем блудить? Его округа
Была до прелести чиста —
То человечества врата.
Глаза и девственная прелесть,
Высокая, тугая грудь
Мешали правильно вздохнуть.
Они изысканно смотрелись
На фоне прочих милых дам.
Ах, *солнышко!* И не представить вам.

25

Наташа Зеленова – редкость.
Идёт – все жмутся по углам.
Глаза туманные. Все беды
Ушли, и стало чудно вам.
Лицо как капля, небольшое,
Высоколобое, лихое,
И бесподобный дым волос,
В котором прячется *хаос*.
Пленительна коса тугая,
Что падает, как тяжкий снег,
И хочется пуститься в бег —
Куда? Решительно не знаю,
Но скорость явно впереди,
А сердце бьёт и бьёт в груди.

26

– Прошляпил девочку я в школе.
– Теперь ищи. – Пропал и след.
– Вина? – Не надо. – Да я, что ли.
– Молчи. – Надену лучше плед.
Она особенная? – Да нету.
– Забудь её. – Дай сигарету.
– Пожалуйста. – Спасибо. – Я...
– Не говори. – Твоя семья...
– Скажи, об этом ты заладил?
– Забудем? – Будет хорошо.
– Вина? – Да нет же. – Дождь прошёл.
– Ты столик на балкон приладил?
А в небе полная луна.
Воспоминанья. Тишина.

27

Теперь об Ире Великовской.
Я помню мало. Малость в ней
Была во всём, черноволосой,
Глаза прекрасные, синей
Чем вы представите, столь милы,
Что ежели б вас поманила
С собою в рай иль в ад она,
И к вам бы прыгнул сатана,
Вы пикнуть бы при ней не смели,
Глядели в синие глаза,
Наверно, ваша бы слеза
Скатилась, руки ослабели,
Вы пали бы, и лёгкий звон
Вам прозвонил: *«По-ди-те вон!»*

28

О Ларе Каушанской: дева,
Умна чертовски и темна,
Так, кожей, в школе королева.
Но шутит так, что вам хана.
Мы не были с ней столь друзьями,
Учились вместе по программе,
В восьмом *схватились*, и она
Перешутила. Вот те на.
Я помню день рожденья Лары —
Вошёл с подарком в старый дом,
Цветы и гости за столом,
Ученики и звон гитары.
Играл, наверное, отец
А детство шло, его ларец.

29

Мы с Игорем тогда театром
Вдруг увлеклись. Пошли в кружок.
Он роль схватил. Его таланта
Хватало, чтоб держать флажок
Над всем, что нас так увлекало,
Да требовалось очень мало
Для *прелести игры* живой.
– Ну, напрягись, потом завой.
Ну ты не понимаешь что ли?
Завыл! Прекрасно! Молодец!
Я знал, что лучший ты игрец...
Побольше страсти! Божьей воли.
Конец. Мы движемся домой.
– До встречи. – Свидимся с тобой.

30

Зима. Идём после кружка.
Снег падает с небес на землю.
Машина пронеслась, дымка
Приятный запах, всё приемлю
Я: этот дым и шум колёс
Трамвая. Вскорости Христос
Родится, новогодье скоро.
Подарки, праздник, все уборы
Так радуют мой *нюх* и взгляд,
Что я готов стоять хоть вечность,
Чтоб наслаждаться бесконечно.
Какой у девушки наряд!
Трамвай. Я прыгнул. – Всё, прощайте...
– Да нет, не на-до, обе-щай-те...

31

Мы фехтовали с ним на саблях,
Старинных, века два уже
Прошло. – Потихе! – Ты, в рубахе. —
Финт – кончено, и на душе
Опустошенье. Мы сидели,
Поскольку сильно ослабели
От схватки. Зал пустынный тих,
И только сцена на двоих
Ждёт пламенно от нас сраженья.
– Ну, отдохнул? – Ага. – Так в бой. —
Так каждый вечер мы с тобой,
С Божественным благословеньем,
Берём в суровый оборот:
– Так защищайся! – Ну! – Вперед!

32

Спектакль мы показали. Где же?
На телевиденьи. Мы днём
Приехали, под солнцем нежась,
Прошли вовнутрь за бугаём,
Который проводил в гримёрки:
– Ну, раздевайтесь. – Долго? – Скоро.
– Где помидор? – Ушла. – Скорей!
– Готово? – Мы пошли. – Храбрей.
Я стражника играл, и быстро
Прошёл по *ТиВи* наш спектакль.
Запомнил я одну деталь:
Для *праздничного* бенефиса
Хотелось иметь хоть грош,
Ан, не было его, *апрош*.

33

Брат доставал меня изрядно,
Но день пришёл, вхожу я в дом,
Он на меня. Ну что ж, понятно,
Я бью его крутым пинком.
Он завизжал от страха, рухнул.
Схватился за ногу и ухнул
От боли. Кровь пошла. Он пал
И больше он не поднимал
Свою *безжалостную* руку
Он на меня. Летал как сыч.
Приятно, если магарыч
Сыграл с тобой такую штуку,
Что *братик* затаил навек
Боль от меня – навечно чек.

34

Литература в эту зиму
Вдруг забрала меня вконец,
Читал, писал неколебимо...
Понятно стало – я не спец.
Я злился на себя – *бездарность!*
Откуда будет *благодарность*
За бесполезный труд ночной,
Пока однажды, той весной,
Приехал днём, вошёл и сел,
Тут... Я не знаю, что случилось,
Стихотворенье получилось!
Я написал и обалдел
От лёгкости дневного бреда:
– Я верую! – вскричал я: *кредо!*

35

Стишок я этот показал
И. Чурдалёву, он мне тоже.
«*Я молоток!*» – ему сказал.
Но мне тогда всего дороже
Чем мы вдвоём явилось то
Явление, как решето,
Что сбрасывает нас и строит,
А плечи нам пусть вновь укроет
Таинственная вязь времён,
В которой оба мы не властны,
Деянья наши зримы, гласны,
Пока захочет только *он* —
Тот символ власти и труда,
Что движет нами – *нет и да*.

36

А *братик* вечно запирался
В своей каморке. Я не знал,
Чем праведным он занимался,
Но вот однажды я попал
В её убожество. Чернила
Стояли на столе. Уныло
Торчала рукопись на нём.
И строчка только об одном,
Что занимало братца сильно:
«*СЕМИТЫ*» крупно написал,
А ниже пусто. Я читал.
СЕМИТЫ. Скромно, не обильно.
Развеселился. Брат – болван!
Противен, господи – *кабан*.

37

На полке в синеньком футляре
Лежала скрипка, братец ей
Пиликал, как в ином фуляре
Безделка кажется важней.
Пиликал плохо, но при этом
Он школу кончил и просвета
Не увидал, и скрипка враз
Пылилась, тем спасая нас.
Я понял: братец мой отвержен
От смысла бытия всего,
А если б, как пример, его
И взяли, то тогда *кортежа*
Не увидеть ни нам, ни вам —
Прах только повод эпиграмм.

Шестая глава

1

Седьмой закончен. Я стал старше.
Ходил, искал свои стихи.
Не удавалось. Что же дальше?
Не знал. Вам *хи-хи-хи*,
А мне? Сидел я на скамейке,
Всё думал: вот судьба-плебейка,
Не хочет мне сказать о том,
Что я оставил за бортом
Усилий, явно нежеланных,
А мне ведь не прожить без них,
Без помышлений *всеблагих*,
Которые нужны как данность,
Чтоб дальше продолжать идти.
Плевать. Всё будет впереди.

2

Гроза над городом моим,
Декабрьская, казалась чудом,
Но дом стоял, неколебим,
Под небесами и под спудом,
Который сверху на него
Набросили, как колдовство.
Я ночью от грозы проснулся,
Когда во тьме она блеснула,
Ударил гром, и дождь пошёл,
И стёкла в комнате залило,
Потом ударил со всей силой
Шум, словно бы в большой котёл
Ударили... И снова стихло.
Гроза – большая щеголиха.

3

Мы – Игорь Чурдалёв и я —
Сидели на уроке в классе,
Как будто заползла змея —
Я стал шутить, моей гримасе
Поддались все, и Алик Кац,
И Слугин, хохот, смех, абзац.
Стихи явились нам причиной,
По крайней мере бальзамином,
Чтоб нам по совести поржать
Над тем, что смех из нас взыскует,
Что в человеке – в нас бытует —
Нам только воздух загребать.
Восьмой – прекрасный класс, мы все
В его кружимся полосе.

4

Мы осенью пошли и взяли
Напротив школы в первый раз,
Как будто толпы зазывали
К курению за деньги нас.
Filtr – сигареты, что за штука?
Мы покурили, и наука
Осталась где-то позади,
Кадим, товарищи, кадим.
Мы дым табачный полюбили
Со страстью, с муками, всегда,
Какая б ни стряслась беда —
Мы пламенно, *кхе-кхе*, курили.
С тех пор курю, дни возбраня,
А вы отстаньте от меня.

5

О, сладкий дым от сигарет,
Ты дел моих и дум основа,
Куда б ни двигался – нагрет
Твоим присутствием я снова.
Ты прелесть для меня – мой друг,
Смотрю на пальцы своих рук
И понимаю, что без дыма
Прошла мечта и радость мимо.
Вдыхаешь дым, и хорошо
От прочного его касанья,
И, право, было б наказаньем —
Дым погулял и вдруг ушёл.
Ищи-свищи, а нет его.
Ах, господи, пришёл, *браво!*

6

Тогда ещё играли люди
В игру в три буквы – *КВН*,
И мы решили, что мы будем,
Собрались все, я просто член
Команды. Игорь – предводитель.
Кто лучший среди нас ловитель
Улыбок, смеха и острот?
Конечно, он! Он как пилот
Летит вперед, и всё дурное
Он видит, и его душа
Обдумывает не спеша
И делает нам всем благое.
Пусть человек и будет первым,
А мы за ним пойдём по нервам.

7

Противник Жора Ненюков —
Он в классе «Б» из нашей школы.
Готовились, чтоб чуваков
Побить без всяческой крамолы.
*«Ехал Федя
На велосипеде.
А шофёр свернуть не мог,
Федю принял ближний морг».*
Я сочинил вот эти строки.
Коронный вечер. Мы гуртом
Выходим, как герой Фантом,
На сцену. Опля! Руки в боки.
Мы начинаем *КВН*,
Держитесь, братья! Им — *пурген!*

8

Мы выиграли у них, но встреча
Вдруг удивила всех в конце.
Венчали выступленья вечер,
Вдруг изменился я в лице
И так же все другие *наши*:
Противники пошли бесстрашно
Вперёд, всё изменилось вмиг,
Английский раздался язык
Со сцены, и неотразимо,
Внезапно грянул *маг*, взвились
Над нами всеми вширь и ввысь
Битлы, прошествовали мимо
И улетели вдаль от нас.
Я оглушён. Вот перл. Атас.

9

Мы восхищались им. Вот Жора!
На сцене он обставил нас.
Клеши невиданные! Хору
Приспешников его сейчас
Мы возразили? Что вы, братцы!
Нам надо срочно проораться
На тему – Жоржику хвала!
Вот он какие удила
На всех присутствующих вместе
Накинул. Остаётся нам
Пойти и сдать. Тем словам
Святым и правильным в завете
Мы все подвластны иже с ним —
Да будет так вовек благим.

10

Клеши! Я к маме приставал:
– Купи клеши! Все ходят, я же
Без них. На всех я наплевал.
Клеши! – всё показалось мне миражем
Клешей: иду и вижу я
Клеши! Они мои друзья,
Что будут предо мной вчерашним
Сиять сиянием всегдашним.
Пошли, и мама заказала
Клеши. Неделя пронеслась —
И я в клешах. Я в школе. – Ась?
Не слышу вас? – Клеши, – она сказала,
И клёши вот. Прекрасно! Высший класс!
Жизнь очень-очень удалась.

11

Год шестьдесят седьмой. Вы, люди,
Когда-нибудь бывали там?
Ах, нет? Тогда побудем,
Прокатимся по всем фронтам,
Давно ушедшим в пору гнева,
В ту стадию того распева
Мелодий древних и простых,
Мы выросли тогда под них.
Стояли мы бились раньше,
И Брежнев Леонид Ильич
Порол по всем каналам дичь,
Когда нуждался в манной каше,
И сказочку, и хорошо.
Он кашлянул и молвил: «Шо-о?»

12

Дед с бабушкой в то время переехал.
Квартиру дали им недалеко
От нас. По улице, без спеха,
Прошло всё быстро и легко.
А мама с папой – те примкнули,
Наш дом назначили в июле.
Собрали скарб, перевезли
На улицу от той вдали,
Где дед и бабушка. Так было.
Я радовался – я теперь
Свободен, волен, без потерь,
Без всякого тупого рыла.
Ах, да, я ключ от двери взял,
Пред мамой мелко егозя.

13

Тогда наш дом пошёл в ремонт,
Всю мебель, стол и пианино
По улице и в поворот
Перевезли, и боковины
Мешали мне, но ничего.
Прожить полгода, каково?
Маман с отцом и брат остались
У деда с бабкой. Взбунтовались
Во мне упрямые черты.
Я заявил, что мне уроки
Готовить надо. Я наскоки
И прочие, даст бог, *финты*
Не буду делать. Мама: «Что ж,
Пусть, если вправду невтерпёж».

14

Я жил прекрасно в это время:
Отбив уроки, приходил
Я к маме с дедом, и проблеме
Поесть – конец. Я усладил
Семью. После я урока
Менял по воле злого рока
На *вермут* или же *портвейн*,
И сказочно, по воле вен,
Забвенье быстро достигало
Меня и Игоря, гуртом,
И Мишку, Алика. Потом
Курили у меня. Я малым
Тогда был удовлетворён.
Я спать ложился. Я хмелён.

15

Пришла зима, и я замёрз
Средь мебели один в квартирке.
Что делать? Вон бумаги воз
И печка. Я в каком-то бзике.
Я загрузил туда газет,
Зажёг огонь, сломал хребет
Морозу в комнатке, и сразу
Сверкнуло мне в глаза алмазом.
Пошло тепло. В огонь смотрел.
Сидел я долго возле печки.
Заснул, но чем-то очень едким
Лица коснулось, угорел.
Я встал шатаясь. И от гуда
Сошёл во двор, и вон оттуда.

16

Я сделал что-нибудь не так.
Постой, не открывал задвижку
Я в печечке. Недобрый знак.
Отныне правильно. Я книжку
Открыл, и печка враз тепло
Распространила. Мне скребло.
Противно в этот вечер было,
И мысль о будущем свербила.
Что делать? Неужели я
Писать стихи на свете буду.
Не будет ли мне, правда, худо
От них? О, скорость бытия.
Глядишь назад – пацан, мальчишка...
«Война и мир», читай же книжку.

17

А развлекались по-большому:
Входили вечером в трамвай
И ехали (как идиома)
В Скобу. Представим, *«Не серчай»*.
Название я сейчас придумал.
Неплохо. Я для тугодума
Всё объясню: там ждали нас.
Мы входим. В этот поздний час
Нас раздевают для пирушек.
Садимся рядышком за стол.
Официантка, и *«орёл»*
Ей говорит: – «Пивка и сушек!»
Пьём пиво – кружек шесть иль семь,
В такую *роковую* темь.

18

Кац Алик был повыше нас,
Худой, красивый, очень умный,
Но он безвременно угас
Под небом твёрдым и подлунным.
Сейчас лежит в сырой земле
В чудовищной для жизни мгле,
Ничто там не горит, не светит.
Он спит один на звёздных нетях.
Швейцар тогда и предсказал,
Что *архитектором* он будет.
Он всё построит, всех принудит.
Он так ему и предсказал.
Он в сердце и уме моём
Стоит на небе голубом.

19

Забавно вышло: Алик Кац
Попал к швейцару прямо в лапы,
Пальто тот подавал, и бац —
Сказал с улыбкой Эскулапа,
Что Алик в будущем орёл!
Он архитектор! Точный гол
Забил неведомый оракул.
Но, боже мой, какого знака
Увидел он тогда в юнце?
Мне не понятно по сю пору,
Каким же образом из хора
Он выбрал Алика в конце.
Ведь было пять иль шесть юнцов:
Не виновато ли пивцо?

20

Он заикался – *а-на-на...*
Меня, по правде, умиляло
Всё детство. Будто сатана
Прошёлся по нему *немало*,
Чтоб досаждать и повторять.
Но новая взошла заря
Над ним, он заиканье бросил,
И сатана его поносил
В аду, в который лично он
Ни обратился (на фиг нужно).
Он был спокоен, и наружно
Не лез как пентюх на рожон.
Мне жаль его, по нём грущу,
Я этой смерти не прощу.

21

Сейчас он жив, мы в школе учим
Язык немецкий. На фиг нам?
На переменах лучших куча —
Подход особый крикунам:
«Зеленова! Зеленова! Пузо-пузо у неё!»
Наташка! Грустное житьё,
Такие крики слышать глупо,
Особенно от некой группы,
Которая орёт вразнос,
Но суть бессмысленного ора
Такая же у крохобора,
Который наг и глуп и бос:
Орать и знать, что он не нужен,
Вокруг себя кричит и кружит.

22

Один вопрос в ту осень мучал
Меня и Игоря: друзья,
Ответьте мне на этот случай,
Нам можно двигать, как князя?
Куда душе угодно нашей —
На танцы! В дури бесшабашной
Пришли. Там девочки – атас!
Я с ними жался целый час.
Тогда не меньше чем пятнадцать,
К нам подошли – пришлось бежать
По шпалам, и изображать
Побитых никому не надо.
Так мы остались при своих,
Когда хотелось нам чужих.

23

Не знаю, где был друг мой, Игорь.
Я в комнате сидел, и там
Между колен *Святая Книга*
Открылась всем моим мечтам.
А девочка потела, жалась,
Но, господи, какая жалость
Мной овладела. Я вспотел,
Но всё же девочку *хотел*.
Всё сорвалось. Ходил и думал
Об этой грустной и смешной
Истории; все девочки стеной
Стояли предо мной угрюмо...
В глазах у девочек вопрос:
Зачем я целовал *взасос*?

24

Другой рассказываю случай —
За ярмаркой стоял их дом,
Пришли вдвоём, взглянули: мучай
Нас, но поняли разом потом,
Что две девчонки просто *грымзы*.
Сказали им: «Пардон, маркизы,
Не против вы, чтоб подышать?»
Мы вышли, а потом в кровать.
На воле быстренько исчезли
Из памяти, слав богу, их.
Нам нужно девочек других,
Не тех, которые к нам лезли.
Беда научит нас всему,
Попёрлись в ужас – *почему?*

25

Мы жали руки, обнимались,
Азалиями расцвели,
Красотки дымом растворялись,
Пока мы улицу прошли.
Силёнок нам тогда хватало,
А наша дружба навевала
Приятных мыслей сладкий рой,
Казалась жизнь тогда игрой
В которой всё и вся прекрасно,
И нечего о том тужить,
В конечном счёте, лучше жить,
Чем нам валяться безучастно
В могиле; счастье – игра,
Монеты все из серебра.

26

Он показал однажды мне
Монетки, серебро – я, право,
Не видел столько. О цене
Щас говорить одна забава.
Монеток девяносто штук!
Ну, братец явно длиннорук,
Чтоб натащить такое чудо.
Смотрел на это. Я не буду
Всего рассказывать вам здесь.
Монета старая, Петрова.
Лежала на столе – здоровой,
В полкилограмма, и нигде
Я этого потом не видел.
Он – жук, а Бог его обидел.

27

Я марки собирал полгода,
Я вечером по четвергам
В толпу любителей исхода
Входил под шум, и гвалт, и гам.
Там люди с марками гуляют,
Там марки с марками меняют,
Там деньги льются каждый раз,
Когда посмотрит прямо в вас
Невиданная прежде марка.
Я видел, как старик лихой
Отдал полтинник! *Ой-ёй-ёй!*
Там марку синюю подарком.
Довольно старая, вот крест.
Я помню прыганье и жест.

28

Пришла идея мне тогда:
Раз денежки перетекают,
Мы скажем: «Милые, сюда!
Я вас, голубки, приласкаю».
Купил я марки у дельца
И с видом важным продавца
Приехал с «Гитлером» в четверг,
Ан глядь – приездом я же вверх
Всю публику в смятение, я же
Всё, что привёз, за полчаса
Удачно сбавил – чудеса,
Договорился о продаже.
Я ездил раза три туда.
Конец. Я бросил навсегда.

29

Текли в карман шальные деньги
Полгода, и до той поры
Не знал я, что *прибереги*,
Даёт прекрасные дары.
Всё кончилось. Я марки продал.
Из моего тогда дохода
Осталось только, чтобы мне
Понять: *вся истина – в вине!*
Однажды *подшофе* пришёл
Я к Динерштейнам, и собачка,
На пьяненького вдруг завякав,
И в палец! Боль и произвол
Смутили Динерштейна маму.
Не надо так *колдобить* даму.

30

Вы знаете, два патефона
С пластинками играли нам,
И Сталин рёк во время оно
Все истины как кабанам.
Я издевался над старинным
Устройством, милым и невинным.
Я «Варнечкес» послушал в нём
И понял: бог с ним, с кабаном...
А Миша Слугин взял устройство,
Неделю покумекал в нём
И выдал то, что бытиём
Обычно мыслится как свойства —
Магнитофон! Поёт! Орёт!
Запишет — нас переживёт.

31

Ох, Мишка Слугин – он большой
И толстенький, куда побольше,
Чем я, надёжный он и входит в строй —
Шутник и *правильный*, всполошный,
Как звон твоих колоколов,
Что трогает основу снов,
Подспудную, прямую сущность,
Твоих как символы Исуса.
Я был блондином до трёх лет,
И дальше стал темнеть, пока я
Дошёл в *темнении* до края,
Где не поможет тот завет,
В котором всё предрешено,
«*Пусть будет так*» – гласит оно.

32

Я дома. Поздний зимний вечер.
Звонят. Я трубку взял.
– Давай подумаем о встрече.
– Готов. – Приди, пожалуйста, в вокзал.
Я собрался, пришёл к вокзалу,
Стою безропотно: сказала
Она, Брунова Таня. Нет
Её. Всё в мире от планет,
От неба жгучего. Я долго
Стоял и ожидал её,
Вовек *стояние* сие
Зависит от желанья Бога.
Он знает, как нам всем помочь,
Коль Он к тому сейчас охоч.

33

Когда стоял и ждал её —
Смотрел на площадь пред вокзалом.
Она! Фигурок муравьёв —
Людей – она далёкая стояла.
Я видел только вдалеке,
Её фигурку, и в Божке
Я угадал её обличье,
Оно мне показалось птичьим.
Лицо? Но точно было им,
В снегу, слетавшим прямо с ночи
Начавшейся, и дуло в очи,
И ветер был неумолим.
Я покурил, потом пошёл,
Немножко горд, немножко зол...

34

Тамойкина была подружкой
Бруновой Тани. Я понять,
Кто был, по правде, верным служкой,
Не мог всё время доканать.
Тамойкина была похуже
Бруновой, показалась лужей —
Ни жара, ни тепла её
Не чувствовал я там, мосьё.
Она была подружкой мне же.
Сижу и слушаю её,
Моё убогое жильё
Вползло бы ей сейчас в промежность,
Когда бы знал я, что пора,
Что будет капелька добра.

35

Мы были дома. Никого.
И не было, кто помешал нам.
Хотел, по правде, я всего.
Не получилось: я изъяном
Сначала юности болел.
Вот, на тебе, тогда слабел,
Не мог, что захотел сейчас же,
Миражи в голове, *миражи*,
С ней предаваться *радостям любви*.
Она была в штанах спортивных,
Немыслимых, цветных, под сливу,
Казалось – только надави,
И всё случится в первый раз,
Но Бог от этого упас.

36

Тамойкина была красивой,
Что кожа у неё, что взгляд.
Глаза печально-голубые
Смотрели кротко, без бравад.
Достоинство причёски чёрной,
Чуть правильной, а в общем, вздорной,
И белое, как мел, лицо,
Которое, как кружевцо,
В глазах тоскливо танцевало.
Смотрел, не отводя глаза,
И не грозила бы слеза,
Она в меня тоску сливала
По тем, кто не поймёт её:
— Ох, дураки они, *мышьё*.

37

А Караулова, меня
Добившись, жутко досаждала,
То «всё – тебе», то – подмания,
То – нет, то – есть, то – доставала.
Я был «женат», я был рабом
Девушки этой, и с трудом
Я представлял другое время,
Когда я плюну, и не с теми
Что *жаждут* быть со мной *всегда*,
А мне всё это неприятно,
На солнце увеличить пятна,
Все разговоры есть *беда*
Для человека – для меня,
Размазывай, коль размазня.

Седьмая глава

1

Тридцатого, я помню, мая,
Домой пришёл в одиннадцать часов.
А дома пусто. Я соображаю.
Я добежал, а дед – готов.
Брат, мама, бабушка, все близко,
Один казался диким бликом,
Один, а это ваш герой.
Смерть? Ну, пожалуйста, зарой...
Я тосковал о деде. Люська
Не отпускала от себя,
По сердцу моему скребя,
Ах, Караулова, подлюка.
Ну, только попадётся мне,
Я затопчу тебя *в г-не!*

2

Лежал мой дед на чистеньком столе.
Поцеловал его я в губы.
Как будто я притронулся к скале,
Касанье было мне не любым.
Смотрел я прямо на него,
И думал – как там? *Каково?*
Но дедушка не шевелился,
Он капелькою изменился.
Лоб гладкий. От морщин его
Сошёл и след. Лицо спокойно,
Как лица у молодожёнов.
Охота крикнуть мне – *браво!*
Да не кричу, стою над ним,
Жизнь превратилась в сладкий дым.

3

Назначили читать по нём
Молитвенник. Пришёл в квартиру
Еврей: он тряс высоким лбом
Всю ночь. Я занимался лирой
Подле него. Старик-еврей
Распелся словно соловей.
Он дедушки, как смерть, боялся,
Сам предо мною задавался.
Сидел я рядом с дедом ночь.
Вот утро. Солнце заглянуло.
Свеча над дедушкой раздулась,
Как будто хочет доволочь
Через оконное стекло,
Что моё сердце берегло.

4

Да, я забыл сказать об этом:
Мы въехали обратно в дом.
Всё поменялось в *сказке* лета,
Жизнь двигалась своим шажком.
Теперь мы поселились слева.
Квартира лучше, обогрева,
Вместо домашнего котла
Висели прочно для тепла
По стенам, низко, батареи.
Шикарно! Я тут буду жить!
Кридорчик мал – тут в морду бить.
А кухня – хорошо тут змеям:
Вошёл, и сразу *тяп* тебя,
И плачут все, слезой скорбя.

5

Вдруг вспомнил, мне шесть лет, не больше.
Гляжу на маленький котёл.
Качаюсь на стене, хорошим
Был я в то время, не учёл,
Что кочерга скрежещет стену.
Вдруг мама входит, и сирену
Включить бы – по уху меня
Ударила разок, бранясь.
Кольцо на пальце мамы тяжко,
Всё золотое, шириной
Огромное, тогда заной,
Вы бы попробовали, ваше
Уменье вовсе ничего,
Когда вам по уху, *ого!*

6

Закончил я ученье в школе
Сорок девятой. В ранний час
Автобус. Едем. На Узоле
Мы в лагере. Вокруг для нас
Светило шпарит к нам из неба,
Как древняя богиня Геба.
О, юность наша, Геры дочь,
С Зевесом хочет нам помочь.
Узола – уголок прелестный,
Приехали часа за три.
Палатки и река. Сотри
Презрение с лица. Здесь местный
Пред глупой, в общем, стыдобой
Приятный повод быть собой.

7

Купанье на Узоле летом,
Хорошее для всех ребят,
Вдруг обернулось культпросветом,
В котором я пред небом свят.
Купаюсь, а Брунова с Галей
Тамойкиной, без всех регалий,
Плывут сажёнками ко мне,
Хватают *причиндал*, зане
Тихонько отплывают, зная,
Что я догадлив в меру сил,
Я тоже *кое-что* схватил,
О чём мечтал? Как все, о Рае,
В котором ожидают нас.
Нескоро, в наш недобрый час.

8

Мы ехали с отцом и братом
В Крым, в Севастополь; после всех
Учѐб моих ко мне возвратом
Явился снова мой успех
В том, что хотел я – море с ветром.
Не видел моря. Километром
За километром вширь и вдаль
Раскинувшись, пастораль
Уравнивала нас с другими.
Палатка. Море. Мы сидим.
Костѐрчик. Выше сладкий дым.
Прекрасно, мы неколебимы
В желаньи моря, ветра, дня
Хорошего, для вас, меня.

9

Отец бинокль взял, и в бинокль
Смотрел я, время подошло
Столоваться нам, и много ль
Народа? Нет, оберегло
Нас эта штука, смотришь-видишь,
Столовая стояла выше,
Чем мы. – Да никого, пойдём? —
Мы шли, а так-то мы прождём
До ужина. Мы входим, видим:
Вертинская! Как хорошо!
Я ем свой суп. – Тебе ещё?
– Да, папа. – Точно, пирамиду
Воздвиг бы я на месте том,
Она купалась бы – *фантом!*

10

Шторм ночью. Я иду купаться.
Вхожу, наверно, полчаса
(Потратил глупо я на танцы,
Чтобы увидеть чудеса
Волны огромной, что крутила —
Она меня поколотила).
Я вылезаю, *не могу!*
Не пожелаю и врагу
В такой проделке оказаться,
И рёв свирепейшей волны,
Которой все права даны
Заставить вас погибнуть, сдаться.
Но выбрался я на песок:
Помиловал меня мой Бог.

11

Взяв чемодан, пошёл я с братом
На низкий холм за миндалём.
Пришли мы в рощу, тут каратом
Увидел в небе голубом
Миндаль, полез и сразу скинул.
Брат расколол, потом отринул.
Сказал мне: «Горький». Сразу слез.
Другой попробовал: «Да, есть!»
Часа за два набрали кучу
Орехов, так что чемодан
Тугой, почти как барабан.
Мы донесли его, измучась.
Отец попробовал его.
Сначала вроде б ничего.

12

Попробовал его другой раз,
Коля меж камней тот орех,
И Лёва, брат мой, удивит вас,
Он корчится – *хороший* смех.
Мы объяснили папе промах:
– Ты хочешь? Вот тебе солома
За сено. Папа понял нас,
Погневался чуток, угас.
А Севастополь, мой любимый,
Из всех российских городов,
Он как родимое гнездо
В веках минувших, нелюдимо
Стоит у моря, высший шик,
И память прошлым ворошит.

13

Вернулся в Горький и пошёл
На почту, потрудился малость.
Я в восемь, ровно, как щегол,
По зову птичьего Пегаса
Хватал все письма на плечо
И шёл трудиться. Мне *ничо*
Таскаться с тяжелой сумкой.
На телеграмме закорюка —
И дальше шёл до двух часов,
Когда пустела *почтовая*,
И день в разгаре, припевая,
И не считая ни шагов,
Ни километров, снова я
Иду по краю бытия.

14

В июле я и Юра Смолин
Отбыли вместе в Ленинград,
Приехали и откололи:
Пошли в *жилупр*. Без всех бравад
Мы двое робко объявились.
Начальники нам удивились.
Подумали и взяли нас.
Мы вышли, тут мой пыл угас.
Товарищ мой заныл, мол, *плохо*
С желудком, я сказал ему,
Что лучше было б, по уму,
Отправиться, чем чаще охать,
Назад, в *деревню*, чем стонать.
Я понял: грань перейдена.

15

Когда садился в Юрой в поезд,
Он начал жаловаться мне,
Мол, то да сё... Я, успокоясь,
Сказал себе: всё это вне
Того, что едем с ним – и дальше
Всё путешествие и наше
Общение друг с другом шло
Неровно, душу мне скребло
Нытьё его, но ехал, думал:
Всё блажь, не может он брюзжать.
Я должен друга *уважать*.
Он на меня смотрел угрюмо.
Наверное, он в те часы
Узнал себя – и *на весы*.

16

Мы поругались, но мы в баню
Пошли в надежде всё спасти.
Разделись. Пар. Я оболванюсь,
А надо бы и нам схватить
Секунду. Быть или удасться.
Не надо нам всю бодаться
С тем, что прекрасно *знает нас*,
Что тут поделаешь, наказ
Должны сейчас же мы исполнить.
Судьба всё правильно вершит,
И только-то её смешит —
Попытка явная упомнить,
Что привело нас вот сюда:
Надежда? Истина? Беда?

17

Мы мылись в бане Ленинграда,
Когда ко мне сквозь пар прошёл
Какой-то парень. Как цикада,
Средь тысячи людей нашёл
Меня. Мы пообщались малость,
Потом всё это *прожевалось*.
Мы с Юрой порешили врозь
Продолжить наш двойной наркоз.
Я остаюсь тут, в Ленинграде.
Он двигает тотчас домой.
Не может быть нам жизнь тюрьмой.
Всё обоюдно, при параде.
Он едет в Горький, я – вперёд,
Пока труба меня зовёт.

18

Мы вышли с этим парнем вместе
Из бани. Он постарше был.
Он не понравился в ответе,
По-моему, он лебезил
Передо мной. Решил я плюнуть
На нового *лейб-гвард-драгуна*.
Он не помеха мне во всём,
Ни ночью, утром, днём.
Я буду сочинять поэмы,
Стишки, возможно, всё подряд.
Передо мной стояли в ряд
Три важных и глубоких темы:
Во-первых, что-то про себя,
Другое-третье шло, знобя.

19

Он накормил меня отменно
В квартире, близкой от того
Местечка. В счастье незабвенном
Мы с Юрой говорили: «Во!».
Три дня как Ленинград стал чудом,
Доведшим и меня до зуда,
Вода его, его мосты
Непредставимы и *златы*
Для этого тугого неба,
В которое и я смотрю,
Встречая летнюю зарю,
Когда как *пламенная* Геба
Доступна в юные часы.
Потом их порастащат псы.

20

Три дня прошло, и стало жарко
В квартирке маленькой его.
Стал нить, и утлая хибарка
Стоит совсем не для того
Чтоб умерли мы: «Лучше смыться
На Сиверскую». «Там, *моя киса*,
Мы славно проживём с *тобой*.
Договорились? Сразу в бой!»
Поехали из Ленинграда
На электричке. Сорок пять
Минут. И надо мне опять,
Во славу собственного *зада*
Расчихать так, чтоб объяснить,
Что требует по гроб *лечить*.

21

Неделю прожил я. Но вечер
Перевернул меня: «Пошли
На танцы». Я, как нужный дренчер,
За ним сёйчас же повалил.
Приходим. Девочки. Скучаем.
И холодно. Согреться б чаем.
Пошли назад. Что видел я:
Поляна, тропка, все края
Заполнены, повсюду пары,
Совокупаются, не вру!
А сверху точно серебру,
Луна, и звон ночной гитары,
И пенье звонкое звучит.
«Свалились здесь! Где *ихний* стыд!»

21

Одна стояла на коленях.
Другая, задом шевеля,
Лежала будто на сиренях,
Глаза закрыты, распалясь
От парня, что округлой попой —
Наверное, он был без трёпа —
Всё приводил её в экстаз,
За разом – раз! За разом – раз!
Я перешагивал, мне стыдно
Об этом вам писать сейчас,
Но ночь была, и поздний час,
Который вам совсем не видно.
Но мне перед глазами *блуд*.
Не грех, что люди перечтут.

23

Я перешагивал, как шпалы,
Когда идёшь ты по земле.
Луна над всеми так сияла,
Что путь неблизкий побелел.
А им плевать, у них охота,
Какое *дело до кого-то*,
Желают – тут же бух в постель,
И электрички близкой трель
Тревожит ухо их не больше,
Чем ваше ухо шум машин,
Или какой-нибудь *раввин*,
Живущий в Вашингтоне, в Польше.
Какое дело до него?
Вы что, *сдурели*? Ничего.

24

Пришли домой, попили чаю,
Согрелись, а потом мы спать
Отправились. Я замечаю
Во время сна – *ого!* – опять
Какое-то вдруг шевеленье.
Я вскакиваю. Побеленье
Его лица, ах, *гад!* За мной,
Его ждут *счастье и зной!*
Я собираюсь на рассвете.
Вот электричка. Я сажусь.
Я еду в Горький. Я так злюсь
Не в сторону его, ответьте,
Что я совсем *пропащий фрукт*,
Там роза, там вонючий лук.

25

Приехал, братик сумасшедший!
Я видел, как он тут рыдал.
Он утешался, *друг сердешный*,
Жену Раису проклинал.
Он плакал так, как вам не сниться!
К нему, сердешному, все птицы,
Вороны из далёких мест
Спешили, но *ни бе ни ме*
Они в печали не сказали.
Горюет, лапочка, пусть так:
– Ворона, дай, дружок, пятак,
Пока тебя не увязали
За ним. Рыдания. Удар.
Ворона клюв раскрыла: *ка-р-р-р*.

26

Рыдал, голубчик, оттого,
Что скоро сын его *родится!*
Он помешался, он *того*.
Хотел с отчаянья топиться.
Но здоровое желанье жить,
Жрать, с-ть, всем повредить
И вывело его из тины.
Он успокоился. Невинно
Перебрался недалеко,
А бабушка домой вернулась.
Жила у нас. У братца-труса
Жизнь складывалась нелегко.
Квартира превратилась в грязь,
Меж нами – стыд, позор и связь.

27

Вошёл к нему и обомлел:
Квартира прахом обернулась,
Кран в раковине *заревел*,
Не вру: вода совсем взбрыкнулась.
Сначала пар, потом пузырь,
Потом, как вылезший упырь,
Загоготал, потом засох.
Ни капли. Кран *прожил* и сдох.
Все стенки, пол и потолок
В такой грязи, что стало стыдно,
Ну разве видеть не обидно,
Как *старшенький* наш ястребок
Всё превратил в такую гадость,
Как будто здесь была блокада.

28

*«Разговоры и встречи
и опять разговоры —
ночью сменится вечер
и равниною горы.
Незаметно заменит
эту песню другая.
Только ты остаёшься,
моя дорогая...»*

Я думал о стихах всё время,
А Игорь поразил меня.
Стихи подобны теореме,
Что связывает темы дня.
Эмблема точности и страсти,
У вечности раскрытой пасти,
Что только ждёт недобрый час,
Чтоб погубить и сдунуть нас.
О, Чурдалёв, всё просто, ясно,
Учись у друга, знает он
Всё то, чего ты был лишён,
Он написал, и не напрасно —
Стишок его, он как броня,
Пример хороший для меня.

29

Слова той песенки я помню —
Мелодия её проста —
И Лёня Скульский из района,
Где Игорь жил. Её врата
Раскрыты, девушки-подружки
Хотели песен, и оружие,
Нацелься только, брало их,
И тихим звоном струн тугих
Их доводило до блаженства,
Которое, как ни крути,
Идёт по праву впереди,
Ведь что приятно совершенству,
Которое у нас в чести,
О, радость, в руки прилети.

30

Я начал курс вечерней школы.
Пришлось надеть хомут на грудь,
Не шею – всё равно весёлым
Я время вспомню. Берегу
Воспоминанье об уроках,
О тех приятнейших пройдохах,
Что там сидели – в сладкий сон
Вгонял учитель в унисон
Стихам моим, что сочинялись.
Всё мелко было до тех пор,
Когда ушёл постыдный сор,
Тогда они соединялись,
И хором говорили мне:
– Забудь, ты с нами наравне.

31

Я перешёл в девятый класс,
И школа номер сорок девять
Осталась символом для нас
Далёкой юности напева.
Я в *матерь альму* заходил
И тем домашних усладил.
Недолго. В январе меня
Достала эта беготня,
И химия, мой *первый враг*,
Учёбу жутко усложняла.
Я бросил школу, что, пожалуй,
Был правильный тогда зигзаг.
И новые полгода я
Избавлен школы острия.

32

В ту осень Рая привезла,
Та девушка, что с братом Лёвой,
Стихи, и мне читать дала.
Тетрадь обычная – основа
Того, что делать буду я.
Пополнилась моя семья:
Вошёл в неё *великий Бродский*
И *Мандельштам* в нижегородский
Круг авторов, и стало мне
Понятно всё, что было прежде,
Какой-то маленькой надежде,
Неясной, у меня в уме,
Вдруг сделаться *такой* большой
Всё в мире показалось вшой.

33

Всё это сделалось моим
Весной, когда учился в классе
Восьмом. Сначала было дым,
Потом увидел на Пегасе
Я новые черты идей,
И словно мелкий воробей
Стремился к Музе постоянно.
Всё показалось мне престранным,
Таким, что можно изменить,
Тогда, придёт к тебе, что *вечно*,
Предстанет в мире бесконечность,
С которой тянется та нить —
Святая, горькая порой,
В которой кружится твой рой.

34

Какое чудо *Мандельштам!*
Вы почитайте, поразитесь:
Всё, что казалось вам, весь гам
Уйдёт от вас как знойный витязь.
Я подражал ему всерьёз,
Тащил без просыпу обоз
Его манеры говоренья,
Он сел во мне, и откровенья,
Которые оставил нам,
Живут во мне, и выше, дальше,
Всё это, безусловно, наше,
По всем возможным временам.
Ах, Осип, верный друг ты мой,
Как хорошо вдвоём с тобой.

35

А Игорь был на *пятаке*,
Тусовке с *Леонидом* Скульским,
Играть аккорды мастаке.
Он был смешливым. В каждом звуке
Он чудно чувствовал своё
На свете белом бытиё.
А в каждой шутке было нечто,
Что к нам явилось издалече,
То песни звук, то звук мечты,
То, что сейчас непредставимо,
Прошло прекрасно, нас помимо,
Осталось только то, что ты
Запомнил – некий чудный тон
В процессе *щёлканья* времён.

36

Покатывался я от шуток
Его, он парень неперменный *гвоздь!*
Всё было лживым или *дутым*
Пред ним, всё было *боево*,
И оттого неважным было,
Тебя судьба затеребила
Иль только *грёзы* о судьбе
Потворствуют всю жизнь тебе.
Играл он *классно* на гитаре,
И пел отлично – высший класс.
А Игорь баловал всех нас,
Когда он с Лёней, как в угаре
Стихи свои пел без *балды*:
Вы б слушали без ерунды.

37

Мы с Игорем и Лёней вместе
Явились в дом Рыбкова. *P-раз*,
И, вот те на, тогда на свете
И не было таких проказ.
В бинокль смотрели мы с балкона,
Как праздные молодожёны,
На женщин в бане сквозь окно.
Там было всё обнажено.
Ну, посмотрели, посмеялись
И вышли на широкий двор.
Неплох таинственный прибор,
Ведь мы и правда доскребались

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.